

ЛОРЕТ ЭНН УАЙТ

ВЫСШАЯ

ЛИГА ДЕТЕКТИВА

«НА БЕСПЛОДНУЮ ЗЕМЛЮ

ДУШИ ЧУДОВИЩ НАПОЛЗАЮТ.

ИЗО ЛЬДА ИХ СЕРДЦА, И НАЛИТЫ КРОВЬЮ ГЛАЗА ИХ».

ГОЛОДНАЯ ПУСТОШЬ

Высшая лига детектива

Лорет Энн Уайт

Голодная пустошь

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Уайт Л.

Голодная пустошь / Л. Уайт — «Эксмо», 2016 — (Высшая лига детектива)

Твин-Риверс – оторванный от всего мира заснеженный городок, куда отправили полицейского Тану Ларссон на сезонную работу. Недалеко от города, на горном хребте, дикие животные растерзали двух молодых биологов. Тана и летчик Кэмерон, которого она терпеть не может, вынуждены отправиться на место трагедии. Им открывается жуткое зрелище. Убийства скорее похожи на кровавый ритуал, а сам хребет имеет дурную репутацию, где уже находили растерзанные тела. Вскоре вокруг Таны начинают происходить странные вещи, а Кэмерон оказывается главным подозреваемым. Всеми виной мнительность и личная неприязнь? Или Тана приблизилась к отгадке? Тогда ей стоит поостеречься, потому что для Твин-Риверс это не последняя кровавая охота.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Уайт Л., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Голод	6
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	30
Глава 7	34
Глава 8	38
Голод	41
Глава 9	42
Глава 10	45
Глава 11	49
Глава 12	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Лорет Энн Уайт

Голодная пустошь

Loreth Anne White
IN THE BARREN GROUND

Copyright © 2016 Loreth Beswetherick This edition is made possible under a license arrangement originating with Amazon Publishing, www.apub.com, in collaboration with Synopsis Literary Agency.

© Смирнова А., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

*Спасибо, Павло,
за незыблемую поддержку и любовь даже в мрачные часы
дедлайна.*

Голод

И ночной ветер принес с собой запах зловонный и вместе с тем дурманящий. Таким тонким был этот запах, что если бы Кромвель не заметил малейшей перемены в лице сопровождающего, когда внезапный сквозняк сильнее раздул пламя костра, он не уловил бы ничего. Но его спутник, Моро, сидевший на корточках у огня и куривший трубку, вдруг резко взглянул в сторону леса, и Кромвель сам почувствовал слабый, но неприятный аромат. Ноздри Моро раздулись, как если бы он был ребенком лесов, учуявшим вонь падали. Когда же пламя вновь погасло, Кромвель заметил написанное на смуглом лице сопровождающего выражение, которое его встревожило. Его спутник был напуган до глубины души...

Форт-Резолюшн¹, 1849.

Читатель закрывает книгу и какое-то время сидит неподвижно, словно тень, пристально глядя на стеклянные банки на полке, в которых плавают человеческое сердце и зрачки. Читатель ощущает себя счастливым. Властным. Это Читатель сейчас взял верх над Историей. Читателю нравится представлять Историю как живое существо, а динамичный диалог между автором и потребителем – как соитие. Автор никогда не вправе считать Историю завершенной, пока она не попадет в руки Читателя; лишь тогда круг замкнется. История не может остановиться. Каждый новый Читатель привносит в Историю уникальный опыт, рассматривая через свой собственный объектив различные эмоции, выраженные одними и теми же словами...

Читатель сгибает руку, застывшую, еще покрытую пятнами крови. Читателю принадлежит вся власть. Это он, Читатель, вдыхает жизнь в слова, написанные на страницах книги, делает их цельными, осязаемыми, пугающими. Значимыми в реальном мире.

Читатель управляет всем...

¹ Деревня на территории Канады.

Глава 1

Пятница, второе ноября. Пустошь.

Два градуса южнее Полярного круга.

Продолжительность дня: 8.06.38

Когда солнце перевалило через горизонт, пятеро пассажиров ярко-желтого вертолета «Твин Сквиррелл», под брюхом которого жирными черными буквами были выведены слова «Арктический ветер», ощутили нависшую тишину. Они прибыли в зону запустения. Только глухие звуки, издаваемые несущими винтами, пробивались сквозь наушники, словно коконом отгородившие от мира священный покой. Селена Аподака разглядывала деревья, раскинувшиеся внизу, – черные ели, лиственницы, – которые по мере приближения к северу становились все более редкими и низкорослыми. Как седые старухи, хвойные деревья, остатки дремучих северных лесов, лежавших южнее, упруго гнулись и клонились навстречу холодным ветрам, дувшим с севера. Вскоре не осталось и деревьев – только растрескавшаяся земля, изогнутая, как спина кита, покрытая лишайниками цвета ржавчины и сфагнумом, моховыми болотами в пучках травы да серебряными нитями рек, униженными бусинками темно-синих озер.

Кочующие карибу² внезапно вскинули рога, привлеченные шумом вертолета. Будто невидимая искра прошла по всему стаду и разделила его на две группы: половина животных побрела через реку на другой берег, остальные продолжили спускаться вниз по холму.

Первобытный край, подумала Селена, необжитая, необъятная, вольная земля на границе с Североамериканским континентом, которая в медленном геологическом движении понемногу разворачивалась перед ее глазами, не замечая незначительных представителей человеческой расы.

Старый карибу отстал и кое-как плелся позади стада; Селена подумала – интересно, переживет ли он ночь. Это место было настолько же враждебным, насколько завораживающе прекрасным; зима не знала пощады. Как темная тень, повисшая вдоль горизонта, она чуть приближалась с каждым днем, а воздух становился все холоднее – с севера пробирался мороз тундры.

Марси Делла, одна из старших представителей сообщества первых поселенцев Твин-Риверса, рассказала ей, что это место прозвали *хози* – земля, лишенная деревьев. И что здесь не было ни одной живой души. Марси была из тех немногих, кто еще помнил старые названия нескольких озер, кто знал, где находятся «края снов» – места, где путешественников, сумевших кое-как дотащить туда усталые тела, одолевали жуткие видения. Марси рассказала и о «порождении холода» – отвратительном оборотне, живущем среди ветров и снегов тундры, похожем на волка существе, голодном до человеческого мяса и неспособном насытить свою ярость. Она знала название этого существа, означавшее «дух одиноких мест».

– Время здесь не властно, верно?

Селена чуть не подпрыгнула, когда резкий голос внезапно ворвался сквозь наушники. Она повернулась к Раджу Санджиту, пристегнутому ремнями к соседнему сиденью, поймала взгляд блестящих черных глаз. Его дыхание сбивалось у лица облаками пара; даже внутри вертолета было очень холодно. Он улыбнулся ей.

– Мы как будто в царстве, где все неприкосновенно, да? Может, нам следовало взять особый паспорт, разрешающий нам доступ сюда, а иначе смерть нас покарает.

Селена не знала, как следует отвечать на эту нелепую сентиментальную фразу. Она взглянула на Веронику и Дина, биологов, специализирующихся на дикой фауне, которые сидели слева от Раджа, рядом со служебными собаками, и попыталась по выражению их лиц понять, не высмеивают ли ее за излишний интерес к легендам и преданиям этих мест. В глазах Веро-

² Северный олень.

ники вспыхнули озорные искорки, но взгляд был по-прежнему изучающе мягок. Дин, напротив, смотрел недружелюбно. Селена почувствовала, как в ней вскипает раздражение.

В эти несколько недель в университете она отлично ладила со всей командой, если не считать неприятных ей сексуальных притязаний со стороны Дина. Сейчас он, по всей видимости, вернулся в привычное мрачное расположение духа – смотрел в сторону и, зажав между колен Бадди, черного лабрадора, гладил его по голове. Селена перевела взгляд на другую служебную собаку, австралийскую овчарку по имени Пика, послушно лежавшую у ног Вероники. Оба животных были натренированы разыскивать по запаху помет росوماхи – неуловимого северного «пожирателя смерти», вымирающего вида везде, за исключением Северной Америки. Собранные образцы экскрементов отправлялись в лабораторию Альбертского университета, где молодые ученые по молекулам ДНК и еще каким-то показателям выясняли информацию об исчезающей популяции и состоянии здоровья оставшихся особей. Они все лето корпели над этими сокровищами в рамках глобального исследовательского проекта «ВестМин Даймондс», прежде чем правительство этой территории не распорядилось выкопать карьер с южной стороны Ледяного озера.

Селена и Радж занимались изучением популяции гризли, но собирали образцы ДНК старым способом: с помощью приманок и проволочных капканов добывали шерсть *Ursus arctos horribilis*, которая, в свою очередь, тоже отправлялась в лабораторию на анализ.

Селена собиралась с ответом, но тут услышала сквозь наушники голос пилота, Хизер Макалистер.

– Похоже, к вечеру будет шторм. – Рукой, затянутой в перчатку, Хизер указала на темную полосу на горизонте и бросила на команду взгляд через плечо. Глаза скрывались за зеркальными очками-авиаторами, волосы, собранные в густую светлую косу, доставали до лопаток. – У вас, ребята, есть экипировка, чтобы пережить тут ночь, а то и две? Если он надвигается с такой скоростью, боюсь, мы к нужному времени не доберемся.

Закат ожидался в четыре часа двадцать минут. До четырех Хизер должна была доставить Селену и Раджа в нужное место, где их перехватили бы другие люди.

– Да, мы вполне можем переждать, раз такие дела с погодой, – сказал Радж и, повернувшись к Селене, мягко спросил: – Верно?

Она кивнула, но нервы напряглись. Это была их последняя неделя вместе. В университете ждали ее возвращения к концу ноября, она должна была продолжать работать со своим руководителем. Услышав о шторме, она ощутила странное предчувствие. Возможно, это было чувство вины. Она сжала коленями рюкзак, как бы желая защитить от всего мира спрятанный в нем секрет.

Вертолет резко накренило – это Хизер повела свою машину вниз, туда, где располагался лагерь исследователей – небольшая кучка брезентовых палаток, юрт и сборных бараков из оцинкованной стали, а еще буровая станция, рудоперерабатывающий завод и клочок изрезанной земли – взлетная полоса.

Несколько человек вышли из лагеря навстречу вертолету. Один помахал рукой. Другой показал неприличный жест. Собака на цепи подалась вперед и залаяла. Хизер открыла бортовой иллюминатор и легонько погрозила пальцем. В ответ кто-то из встречавших исполнил дурацкий танец, и она, рассмеявшись, повела «Твин Сквиррелл» дальше, над бушующими водами Ледяного озера. Ей нужно было добраться до северной вершины, чтобы посадить там Селену и Раджа.

– Смотрите, – внезапно Хизер указала в сторону, – волки. На три часа.

Четверо волков. *Canis lupus*. Серый волк. Самый крупный представитель семейства волчьих. Лапы размером с кулак. Хищники вприпрыжку бежали гуськом к краю воды. Вожак стаи был черным. Огромный зверь. За ним следовал белый, а два волка поменьше были серыми в крапинку.

Селена повернулась, чтобы увидеть волков, пробежавших мимо. Но стоило ей придвинуться поближе, ей на глаза попало что-то еще; краем глаза она уловила на горном хребте некое движение. Она сощурилась, пытаясь разобраться, что именно увидела, но пологий свет, падавший с ледяных вершин, слепил глаза.

– Что такое? – услышала она голос Раджа.

– Мне... показалось, я видела человека. В меховой одежде. Он исчез прежде, чем мы долетели до этой границы, – она указала пальцем.

– В мехах? – Радж перегнулся через Селену, пытаясь рассмотреть. – Может, это был медведь? Тут поблизости нет ни самолета, ни квадроцикла, никакого транспорта.

– Ну, может, он вроде нас – его попозже должны забрать отсюда. Какой-нибудь охотник. Или геолог.

– В мехах? Ну да. Точно. – Он вскинул вверх густые черные брови. – Что, страшно тебе, Селена? Напугали бабушкины сказки про чудовищ?

Выругавшись сквозь зубы, она отвернулась.

Хизер повела вертолет к северной вершине и аккуратно посадила у края. Роторы продолжали работать. У нее было много дел: требовалось привезти еще несколько команд из Твин-Риверса.

Селена поблагодарила летчицу, сняла шлем, открыла дверь, вытащила вещмешок и полуавтоматическое ружье, выбралась сама. Радж выволок несколько рулонов тонкой проволоки, сваи, две канистры медвежьего лакомства и легко выпрыгнул из вертолета. Они летели так низко, что от нисходящего потока воздуха волосы прилипли к лицу Селены, слезы текли из глаз.

Надев рюкзак, Селена смотрела, как вертолет превращается в крошечную желтую точку, чтобы затем исчезнуть в бесконечном небе. Потом перевела взгляд на полоску в небе, предвещавшую плохую погоду – теперь, с земли, она казалась больше и ближе. У Селены была привычка соотносить размеры объектов с параметрами своего тела, но здесь все было иначе. Раньше она видела предметы такими, какими они казались по отношению к ее истинным пропорциям. В Пустоши же она ощущала себя крошечной. Безотносительно географии и времени.

– Ну, хоть черных мух тут нет, – заметил Радж, аккуратно доставая сваи и рулоны колючей проволоки. Они принялись за работу, быстро огородили территорию. Радж, как обычно, вбивал сваи, пока Селена разматывала проволоку и закрепляла между ними на высоте медвежьей холки. Оба беспокоились о выживании в диком мире, но взять с собой оружие настояла Селена. Она чувствовала, что Радж несколько рассеян, но все-таки сохраняет самообладание даже на тонкой грани между ученым и жертвой. Натянув маску на нос и рот, чтобы приглушить вонь, она открыла одну из канистр с приманкой и принялась размазывать черноватую смесь тухлой лосиной крови, рыбьих кишок и ванили по клочкам сухого моха, сваленным посреди проволочного ограждения.

Едкий запах, распространяясь по всей долине, должен был привлечь *Ursus arctos horribilis*. Не в силах устоять перед ним, медведи полезут под проволоку, и клочки шерсти останутся на ней. Селене и Раджу в этом сезоне осталось всего один раз снять с колючек, собрать и задокументировать эти клочки. Мимо них пронеслась какая-то тень. Селена притихла. Кречет. Самая большая и мощная птица Северной Америки. Она тихо пронеслась в воздухе над ними. Наблюдая за птицей, Селена периферийным зрением уловила движение и перевела взгляд на горный хребет. Сердце сжалось. Человек. На утесе. Замер, недвижим. Следит за ними.

Медленно поднявшись на ноги, Селена прикрыла глаза от яркого света.

– Радж, – тихо сказала она, – там, наверху...

Он, тоже в маске, посмотрел вверх.

– Вон там... кто-то следит за нами.

Радж сощурился от солнца, расстегнул рюкзак, достал бинокль. Настроил так, чтобы свет не мешал смотреть. И расхохотался.

– Что там?

– Инукшук³. – И он зашелся в новом приступе хохота. – Хо-хо-хо! Каменный человек утащит тебя, Аподака!

Отняв у него бинокль, Селена убедилась, что он прав. Это в самом деле был инукшук – несколько шиферно-серых камней, положенных друг на друга так, чтобы сформировать подобие фигуры человека. Та рука инукшука, что была длиннее, указывала на них. Селена медленно перевела бинокль пониже.

– Клянусь тебе, там что-то двигалось, – выпалила она.

Она не только увидела это, но и почувствовала. Ощущение, что за ней наблюдают. То же жуткое ощущение, что не отпускало ее последние несколько недель в деревне. Но она так ничего и не увидела. Вернув бинокль Раджу, переложила ружье двенадцатого калибра так, чтобы его проще было достать. Отметив проделанный путь на GPS-навигаторе, они прошли еще несколько миль и поставили еще несколько ловушек. Незадолго до обеда слышали шум вертолета, и мир вновь затих. Было около половины четвертого, когда небо внезапно почернело.

Температура резко упала. Над озером поднялся густой туман, в воздухе материализовались снежные хлопья. Пришлось достать шапки из шерсти меринуса. Селена застегнула куртку до подбородка, на шапку натянула капюшон. Ей не нравилось, что этот капюшон с меховой отделкой закрывает ей обзор. В нем она чувствовала себя уязвимее. Он усиливал тревогу.

Спустя еще несколько миль пути повалил снег, быстро опускаясь на землю. Видимость стала почти нулевой. Ветер свистел и стонал в горах. Напряжение в груди Селены все нарастало. Она не сводила глаз с верхушки хребта, пусть даже скрытой в тумане. На полпути к неглубокой котловине возле скалы Селена остановилась и сняла перчатки, чтобы проверить GPS-навигатор. Все верно. Они пришли к цели. Радж тоже замер, ожидая, пока она продолжит путь.

— Начинай, — велела она. — Я отойду на минуточку.

Это был негласный термин, означавший необходимость отлучиться по нужде. Радж сделал несколько шагов и тут же исчез в тумане.

Селена положила оружие на землю. Нервно и неуклюже взясь с рюкзаком, вытащила коробочку, вывалила содержимое в снег. Достала вторую коробочку и опустошила ее чуть ближе к скале, чтобы то, что лежало внутри, оказалось между скалами. Во рту пересохло. Руки дрожали.

Услышав шум в скалах, она внезапно замерла. Подняла глаза, прислушалась.

Просто ветер. Легкий шелест среди камней, в котором ей послышались слова. Ссспассс-саясь... спасссаяссся, Сссссселена... Снег налетел резким порывом, мокрые хлопья залепили лицо. Сердце бешено билось. В мозгу сами собой зазвучали слова Марси Деллы:

Это оборотни... то волки, то люди, то ветер... беспощадные, с ледяным сердцем. Они приходят с первым дыханием зимы... налетают, как резкий, жуткий шторм...

Она встряхнула головой. Рассказы Марси действовали ей на нервы.

Ветер вновь прошелестел – сссспасссссаяся, Ссселееена... и вслед за звуком до нее донесся странный запах. Такой тонкий, что она едва его уловила. Повернулась навстречу этому запаху, втянула ноздрями побольше воздуха. Вновь почувствовала. Сладковатый. С гнильцой.

И внезапно она услышала его. Грохот в скалах. Капли пота побежали по коже.

Здесь точно кто-то был. Медленно переведя глаза туда, откуда доносился шум, Селена потянулась к ружью. Сняла с предохранителя.

³ Каменная фигура в культуре инуитов.

Не глядя, прицелилась. Туман сгустился. Снежные хлопья стали крупнее. В горле вскипал страх, грубый, первобытный. Она ждала предупреждающего сопения за спиной, сбивающего с ног удара когтистой лапы.

Но ничего не последовало.

И все же она чувствовала чье-то подступающее присутствие.

– Радж! – закричала она и следом: – Уходи, медведь!

Поднялась на ноги. *Надо казаться выше ростом.*

– Я не дам тебе сожрать меня, слышишь, медведь! Радж! Где тебя черти носят?

Она осеклась. За спиной снова послышался звук. Она повернулась, выставила дуло вперед.

– Где ты, мать твою?

Она хотела вновь позвать Раджа, но, прежде чем смогла выдать хоть один звук, на нее обрушился удар по голове, сравнимый с ударом бейсбольной биты. Череп хрустнул, тело качнулось вперед. Чувствуя, как медно-красная кровь сбегает из ноздрей, Селена, казалось, ненадолго повисла в воздухе – время растянулось, – а потом повалилась в снег, как марионетка, которой оборвали ниточки. Всполохи света в глазах сменялись темнотой. Ружье выпало из обмякшей руки. Мозг подсказывал – схватить оружие, сжаться, свернуться в клубок, защитить мягкие органы, но тело уже не слушалось. Следующий удар пришелся по спине. Воздух вырвался из сжавшихся легких. Она ощутила, как острые когти разрывают куртку, сдирают плоть с костей. Ощутила влажность собственной крови. Боли не было. Собрав все силы, она попыталась шевельнуться, но тело было парализовано. Шея сломана. Тело отбросило вперед, она уткнулась лицом в снег и грязь. Рот наполнился землей и кровью. Зубы разбились о камень.

Потом ее перекатали на спину, как тряпичную куклу. Голова безвольно завалилась, глаза смотрели в небо.

Когда она наконец увидела, кто на нее напал, мозг не сразу смог понять происходящее. Но, убедившись, она осознала. Осознала каждой клеткой своего существа, что Зло реально. И оно может настичь так, как мы и представить не могли. Новый удар разорвал ей горло. Кровь и слизь вырвались из раны, когда девушка попыталась вдохнуть и не смогла. Она молила глазами о пощаде, но знала – над ней не сжалятся. Острые когти порвали щеку и нос, глазное яблоко выкатилось на землю.

Было три часа сорок восемь минут.

Через десять минут ее должны были забрать. Через пять дней она должна была вернуться к учебе. К друзьям. К маме. Но, проваливаясь в небытие, Селена понимала, что никогда не отпразднует двадцать второй день рождения. Может быть – последняя абсурдная мысль озарила угасающий разум – этот уголок под скалой был «краем снов», и ей не стоило останавливаться там, чтобы отдохнуть и опустошить свои коробочки...

Глава 2

Воскресенье, четвертое ноября. Твин-Риверс.

Продолжительность дня: 7.54.59

Констебль Тана Ларссон доедала перед телевизором ужин: остатки лосиного рагу с морковью, разогретые в микроволновке. Мясо было рождественским подарком от Чарли Накенко, внука которого она спасла. В день приезда сюда, почти месяц назад, Тана изучала это оторванное от мира место, добраться до которого можно было только самолетом, и наткнулась на пьяного девятилетнего Тимми Накенко в состоянии гипотермического шока у подножия скал Росомахи. Местный подросток нелегально продавал алкоголь совершеннолетним. Она арестовала его и заставила заплатить штраф, чем навсегда испортила отношения со всей молодежью города, поэтому была рада получить хоть что-то приятное от дедушки Тимми.

Чарли Накенко был старожилом Твин-Риверса духовным наставником, и его смуглое лицо напоминало сморщенное яблоко. Тонкие седые волосы он заплетал в две длинных косы и перевязывал кожаными ремешками. Мало того, за каждый ремешок заправлял еще и по перышку пустельги. Прославленный охотник-зверолов, Чарли был уважаемым членом общества, на короткой ноге с вождем и главой местного совета, которые обладали в Твин-Риверс такой же властью, какой в цивилизованном городе обладают советник и мэр. Еще у него был заключен контракт на поставку мяса с лагерем, расположенным ниже по течению реки. Тана рассчитала, что лосиного мяса ей хватит на долгие месяцы – холодильник был по-прежнему битком забит. Ну, хоть собаки порадуется.

Сейчас они спали у ее ног: вечно сердитая карельская медвежья лайка по имени Тойон и Максимус, гигантский гибрид маламута с волком, спасенный из капкана охотника, которого они с бывшим напарником обнаружили мертвым, явившись по вызову в Йеллоунайф.

Снаружи было темно хоть глаз выколи, но по крайней мере снег перестал идти. Лежал плотным слоем глубиной в дюйм и покрывался коркой льда. В следующем месяце наступит солнцеворот и световой день увеличится до четырех часов – в зависимости от облачности. Она была рада здесь оказаться. Ей нравилось спокойствие темноты, отчужденность Крайнего Севера. Она сломала всю свою жизнь, ей нужно было многое обдумать, и Твин-Риверс казался неплохим местом, чтобы начать все заново. Хотя сейчас она была уже не особенно уверена.

Это место казалось живым, полным преступности, окружившей Тану плотным кольцом, несмотря на все ее усилия слиться с ним. Возможно, оно чувствовало ее порочность, ее стыд, и она должна была доказать, что чего-то стоит, прежде чем этот мир простит ее за чудовищные ошибки, которые завели ее в Пустошь, на самый край цивилизации.

Официально в полицейском департаменте, куда ее прикрепили, работали на полную ставку еще два копа и один гражданский служащий, но неожиданно для себя Тана оказалась здесь совсем одна. Два дня назад ее начальник, младший сержант Хэнк Скерритт, был транспортирован в Йеллоунайф после того, как ему прострелили ногу из ружья двенадцатого калибра. К тому времени, как до нее дозвонились и как она добралась до другой стороны реки, Скерритт потерял много крови. Вид у него был совершенно безумный – бессвязная болтовня, лихорадочный взгляд. Пришлось собраться с силами, чтобы держать его под контролем до приезда «Скорой помощи».

И пока Королевская канадская конная полиция искала замену Скерритту, Тана в одиночку (если не считать Розали Ниты, диспетчера системы связи), должна была поддерживать порядок среди населения в триста двадцать человек на территории, занимавшей 17,5 квадратной мили. Большая часть этого населения проживала в городе Твин-Риверс, а некоторые в поселке с поэтичным названием Водопад Росомахи, расположенном чуть выше по реке.

Добраться до всех остальных населенных пунктов можно было только самолетом, пока снег и лед не позволяли передвигаться на снегоходе.

Розали говорила Тане, что младший сержант Скерритт медленно, но верно, втайне от центрального отдела полиции в Йеллоунайфе, начал еще с прошлой зимы сходить с ума. Темнота и холод двадцать четыре часа в сутки и не до такого доведут, заявляла Розали. А летом неустанный рой черных мух мешал несчастному спать, и вскоре он слетел с катушек.

Еще было старое как мир предание, связанное с человеком, следившим здесь за порядком три года назад, сержантом Эллиотом Новаком.

– Он по-прежнему здесь, в лесах, – утверждала Розали. – Совсем спятил. С белыми копами всегда так. Это место лишает их рассудка.

У Таны, если на то пошло, были если не все шансы сойти с ума, то по крайней мере половина – ее предки со стороны отца были белыми людьми, истинными скандинавами. Мать – представительница канадского народа догриб, выросла на берегу Большого Невольничьего озера. По этой причине Тана говорила на языке слэйви, и, может быть, именно потому ее отправили в такое богом проклятое место, хоть она и была совсем салагой. И к тому же больше никто сюда не хотел.

Странные вещи, думала Тана, глядя в экран телевизора, по которому шло какое-то шоу знакомств, происходят в краю полуночного солнца, странные люди мучаются, добывая золото. Или драгоценные камни...

Холостяк на экране, сжимая в руке коробочку с массивным бриллиантом, надвигался на двух оставшихся, дрожащих от волнения финалисток. На чей палец будет надето сверкающее кольцо? Обе женщины вели себя так, словно упадут в обморок раньше, чем он сделает окончательный выбор.

Когда камеру навели на бриллиант, ложка замерла в руке Таны. Камень переливался всеми цветами радуги. Неизменный символ любви. В глазах внезапно зашипало; кольцо с маленьким камушком, которое она носила на цепочке под униформой, казалось, жгло кожу. Она сжала зубы. Все это был фарс, полное дерьмо, уловка маркетологов – связать холодный, твердый камень с любовью, обязать каждого мужчину подарить его своей женщине. Зачем она вообще смотрит эту хрень? Потому что она идет по телевизору, вот почему, а пульта в крошечной квартире, которую ей выделили, нет, и она слишком устала, чтобы подняться и переключить канал вручную. Так что скабрезное шоу продолжалось. Голос за кадром сообщал, что этот бриллиант «чист, как снега холодной канадской тундры, откуда он был добыт».

– И это тоже уловка маркетологов, – сказала она собакам. Тойон приподнял ухо, Макс никак не отреагировал.

Добывать алмазы на Севере было делом недешевым, территория – обширной и неприступной. Дорогой труд. Но камни, добытые в тундре, на мировом рынке конкурировали с алмазами, добытыми в Африке, Индии, Вьетнаме, Корее со значительно меньшими затратами, поэтому рекламщики изо всех сил старались набить цену канадским камням. В результате был издан мандат, согласно которому десять процентов всех алмазов, добытых на северо-западной территории страны, должны были быть обработаны и оправлены там же, вместо того чтобы перевозиться на корабле в Индию, уже и так обрабатывавшую около восьмидесяти процентов всех камней. Так расцвела промышленность Йеллоунайфа, родного города Таны на берегу Великого Невольничьего озера. Теперь Йеллоунайф называли «сомабаке», что означало «доходное место». В конце маленького местного аэропорта располагались «алмазные ряды» – несколько невысоких зданий, где мастера, сидя на корточках вокруг длинных скамеек, придавали алмазам форму, полировали, делали огранку, заставляли сиять и сверкать. Всех этих людей наняли крупные компании наподобие «Тиффани&К», и они съехались сюда со всего мира – с острова Маврикий, из Танзании, Армении, Индии. Большинство стали гражданами Канады.

На каждый бриллиант, отполированный на территории страны, лазером наносились микроскопические логотипы – изображения полярных медведей и кленовых листьев, каждый получал серийный номер и сертификат правительства, подтверждающий, что камень был добыт, огранен и отполирован на севере Канады, то есть «бесконфликтно».

Никакой крови, пролитой ради ваших любимых людей.

Никаких страшных войн за то, чтобы кольцо блестело у вас на пальце.

Никакого детского труда. И клочок бумаги, якобы доказывающий это.

Алмазы же были способом оплаты организованных преступлений и терроризма. Поэтому Тана в них разбиралась. Когда первые крупные шахты начали их добывать, в Йеллоунайфе был сформирован спецотряд Канадской королевской конной полиции в целях борьбы с международной преступностью.

Новая шахта строилась и здесь, на севере, у Ледяного озера. В следующем январе, впервые в истории Твин-Риверса, это оторванное от всего мира место обещали соединить с Йеллоунайфом ледяной дорогой. Появление в городе инженеров и геологов уже начало вызывать протесты, но, однако, были в строительстве дороги и свои плюсы. Полицейскому участку определенно требовались средства и новый грузовик. Сейчас, если нужен был транспорт, приходилось нанимать его за бешеные деньги. И, конечно, городу было необходимо новое оборудование для дизельной электростанции, сейчас работавшей кое-как.

Но до следующего января жители города по-прежнему оставались в далеком прошлом. В мире, куда сквозь зимний мрак все еще пробирались легенды и суеверия.

Убеждая себя, что нужно хорошо питаться, Тана положила в рот последнюю ложку рагу, и живот тут же скрутило. Поставив миску на столик у стены, она откинула голову назад. Закрыла глаза, стараясь дышать медленнее, стараясь удержать еду в желудке. Изнеможение накрыло ее тяжелым одеялом – пронизывающая до костей, туманящая разум усталость, заставлявшая чувствовать себя так, словно она пытается протолкнуть свое тело и мозг сквозь густой слой кормовой патоки; к такому она не привыкла. Слава богу, хоть собаки сыты. Одним делом меньше.

Положив ноги на спину Максимуса, она медленно погрузилась в глубокий, дурманящий сон. Услышав сквозь его плотную пелену писк мобильного, проснулась в поту. В комнате было холодно, по телевизору шел какой-то документальный фильм о дикой жизни. Мозг отказывался что-либо осознать. Телефон снова запищал.

Она наклонилась вперед, включила лампу. Телефон лежал на кухонной стойке, рядом с портупеей. За высоким табуретом, на котором она оставила бронежилет. Тана слишком устала, чтобы снять что-то, кроме обуви, портупеи, куртки и бронежилета. Она поднялась на ноги, но, прежде чем успела сделать шаг на кухню, желудок опять свело спазмом. Метнувшись в ванную, держа волосы рукой, склонилась над унитазом, и ее мучительно вырвало. В кухне опять заверещал мобильный. Она выругалась. Схватив полотенце, вытерла рот, кое-как доплелась до кухонной стойки, взяла телефон. В случае, если кому-то нужно было вызвать полицию в нерабочее время, с Таной связывались через диспетчерскую службу по чрезвычайным ситуациям – сложная, разветвленная система связи. Даже при полной комплектации штата полиция Твин-Риверса не работала двадцать четыре часа в сутки.

– Констебль Ларссон, – сказала она в трубку.

– Это... Маркус Ван... начальник службы безопасности... западной... базы.

– Не могли бы вы говорить громче? Ничего не слышно.

Голос стал четче, медленнее.

– Маркус Ван Блик. Нападение волков. Ледяное озеро, северный берег.

Сильный гортанный акцент. Африканский. Привычное дело в Йеллоунайфе еще с тех пор, как туда притащился Де Бирс⁴. Она слышала и в Твин-Риверсе – их геологи рыщут по всей Канаде и вовсю уже размечают границы прилегающей территории.

– Одна жертва? – спросила она.

– Две. Биологи. Оба мертвы. Их обнаружил пилот, но не смог приземлиться – над Долиной Безголовых густой туман. Тела все еще там.

– Он уверен, что выживших нет?

– Она. Пилот – женщина. И, господи, никаких шансов на это нет. Я сам туда доехал на квадроцикле с одним из наших ребят. Что осталось от трупов, волки растаскивали. Мы их пристрелили. Тут настоящая бойня. Тела выпотрошены. Девчонке башку оторвало, пол-лица сожрали. Стопудово, все еще вчера случилось, а то и два дня назад. Бедолаги из-за тумана тут заночевали.

Желудок Таны опять свело. Она покосилась в сторону ванной, на лбу выступили капли пота.

– Вы оставили кого-то охранять тела, чтобы защитить их от дальнейших покушений хищников?

– При всем уважении, мэм, защищать тут уже нечего.

Вот дерьмо.

Всегда остается что защищать. Мозг Таны лихорадочно заработал. Ей понадобится следователь. Он будет ехать из Йеллоунайфа несколько часов, а если туман не спадет, еще дольше. Ей хотелось самой увидеть останки, провести расследование, написать рапорт.

– Там сработает GPS-навигация? – спросила она.

Ван Блик сообщил ей координаты. Тане удалось взять бумагу и ручку и записать данные, не ощутив новых рвотных позывов.

– Смотрите, – сказал Ван Блик, – вы можете завтра долететь до лагеря. Облачность высокая, мы подсветим взлетную полосу, но ни один пилот не возьмется доставить вас в Долину Безголовых. Туман густой, как гороховый суп.

Она посмотрела в окно. Кромешная тьма, какая бывает только в затерянных местах, расположенных бесконечно далеко от городского освещения.

– Так, а мотовездеход? Вы сказали, что доехали туда на квадроцикле?

– Да, можем вас довезти, но последние пару миль придется пешком. Обрывы крутые, тропы узкие, хрена с два вы проедете. Вот такой слой льда, и снег еще выпал. Я могу, конечно, организовать вам квадроцикл, даже заправлю, даже сам вас довезу. Только огнестрельное не забудьте – на кровь животные сбегутся. У нас в лагере без того куча проблем с этими сраными волками.

Может, потому, что вы сами их прикормили, подумала Тана и, дождавшись отбойного гудка, набрала номер Оскара Янкоски, пилота, у которого был контракт с полицией.

Нет ответа.

Она выругалась, сбросила звонок. Придется ехать к нему. Кроме Оскара, в Твин-Риверсе был всего один пилот, Кэмерон О'Халлоран по прозвищу Бабах, грубый и наглый ковбой, который, судя по всему, занимался контрабандой алкоголя и обвинялся в каких-то еще небольших правонарушениях. Хотя, может, и в больших – ходили слухи, будто он убил человека, вот ему и пришлось скрываться тут, на Севере. Даже в самом крайнем случае она бы к нему не отправилась.

Сердце бешено колотилось, когда она застегивала ремень и надевала бронежилет. Принесла пистолет из сейфа в спальне, проверила обойму, пристегнула. Никогда больше в жизни

⁴ Международная корпорация, которая занимается добычей, обработкой и продажей природных алмазов, а также производством синтетических алмазов для промышленных целей.

она не рискнула бы оставить оружие просто так, не в сейфе. Ей дорого пришлось заплатить за свой опыт. Да, она сохранила работу, но потеряла все остальное.

Тана свистнула собакам, выключила свет и стала спускаться по деревянным ступеням импровизированного полицейского участка. Открыла дверь, выпустила собак. Когда они сделали свои дела, наполнила водой миски, взяла рюкзак, где лежало аварийно-спасательное снаряжение. В комнате для хранения оружия прихватила винтовку, полуавтоматическое ружье, кое-какую амуницию, шутихи, сигнал-гудок и фальшфейеры, чтобы отпугивать медведей. Прокрутила в памяти список необходимого, натягивая поверх униформы ватные штаны и просовывая руки в пуховик с меховой оторочкой. Надела ботинки на подкладке, предписанную уставом теплую ондатровую шапку с ушами, взяла со столика перчатки. Впустила собак. Они, холодные, пульей метнулись в дом.

Прежде чем уйти, она позвонила в центр оперативной связи Йеллоунайфа, доложила о происшествии, сообщила свои координаты, попросила прислать следователя. Твин-Риверс соединяла с миром лишь система спутниковой связи. Большая тарелка ловила спутниковые сигналы, которые затем подавались на маленькую базовую станцию, которые, в свою очередь, по сотовой сети передавались в город. Исходящие звонки доходили по тому же принципу, то же самое было с Интернетом, телевидением, радиосигналами. Их местная спутниковая связь работала как надо лишь в случае хорошей видимости. Сильный снегопад, сырая ветреная погода, технические недочеты могли вырубить ее напрочь.

– Ведите себя хорошо, мальчики, – сказала она, потрепав собак по загривку и поцеловав. – Придет Розали, покормит вас и выгуляет, окей?

Быстро собрала вещи, выключила свет, закрыла дверь.

Когда она только что переехала в Твин-Риверс, ей выделили крошечную бревенчатую хижину ближе к реке, где ей очень нравилось, но когда стало ясно, что она в одиночку будет патрулировать эту территорию, пока не прибудет подкрепление, им с Тойоном и Максимумом пришлось перебраться в комнату в полицейском участке, больше подходившую для таких целей.

Воздух снаружи был холодным и хрустящим. Звезды прятались за плотными облаками. Минус одиннадцать по Цельсию. Она завела грузовик, погрузила оружие и поехала к дому Янкоски на так называемых окраинах этого поселения. Колеса скрипели по замерзшей снежной корке, два симметричных желтых луча фар пронизывали темноту.

Глава 3

– Янкоски! – кричала Тана, изо всех сил стуча в его дверь кулаком. Нет ответа. Она заколотила громче. – Янкоски!

Где-то неподалеку залаяла собака.

Тана потянула дверь на себя. Открыто. Распахнула, зашла внутрь. В помещении было жарко, стоял затхлый запах алкоголя. Она включила свет в гостиной, где он и лежал, распластавшись на диване. Без рубашки, волосы всклокочены. Двухдневная щетина.

Две бутылки виски на полу. Одна пуста. Тана выругалась.

– Вставай давай, чучело! – Она пихнула его носком ботинка. Янкоски приоткрыл глаз и не с первой попытки сфокусировал на ней взгляд.

– О, Тана, чо как?

– Ты нажрался в сопли. – Она оттолкнула ногой пустую бутылку, и та закружилась по деревянному полу. В ней вскипело бешенство. Воспоминания, самые ужасные, высунули свои уродливые головы... – Никакого, мать твою, уважения ни к себе, ни к работе. На тебя, сукин ты сын, рассчитывают, понимаешь ты или нет? У нас вызов.

Он кое-как выпрямился. Его кожа была липкой от пота. И он смердел. Тана сморщилась – желудок вновь подал опасный позыв.

– Какой вызов? – спросил он.

– Говнюк несчастный, – пробормотала она и направилась к двери.

– Стой! – Он вскочил на ноги, покачнулся, ухватился за спинку стула. – Я ж не против. Я иду!

– Уж и вижу. – Она захлопнула дверь прямо перед его лицом, сбежала по деревянным ступеням и вновь забралась в охлаждавшийся грузовик. Дверь дома тут же распахнулась.

– Тана! – заорал Янковски в темноту. – Это первый и последний раз! Не докладывай, ладно?

Она завела мотор, и колеса покатали дальше, поднимая брызги снежной пыли, в направлении взлетной полосы. Гнев бурлил в жилах Таны, а вместе с ним – другие чувства и страхи, о которых она не хотела думать. Гнусный тип не должен был сидеть на заднице, досасывать бутылку и кое-как пытаться поговорить, если вызов срочный. У нее не было времени его ждать. Ей не хотелось его жалеть. Сукин сын вынудил ее ехать туда, куда она ни за что бы не поехала. Тропинка, бежавшая между деревьев, тянулась к взлетной полосе, ангары были пугающе тихими, в свете фар метались тени. Глаза какого-то животного сверкнули в темноте зеленым. Тана подъехала к дому Бабаха О'Халлорана за аэропортом.

Некоторое время она сидела в кабине, смотрела на его дом, думала о Тимми и о том, что, должно быть, собирается совершить сделку с дьяволом. Но либо Бабах, либо она только завтра попадет на место нападения волков. Тана постучала в дверь О'Халлорана, надеясь, что он в лучшем состоянии, чем Янкоски. Дверь, к ее изумлению, распахнулась почти сразу. Теплый свет пролился в ночь. Русые волосы Бабаха были всклокочены, тугая футболка с длинными рукавами обтягивала тело. Из-под рукавов выглядывали татуировки. Джинсы низко сидели на бедрах. Он улыбнулся, и на крепких, обветренных щеках появились ямочки, в светло-зеленых глазах зажглось любопытство. Тане он показался похожим на молодую самоуверенную собаку с помойки. Она ощутила раздражение. Он пугал ее, пусть и несильно.

Потом она заметила Минди Кой в соседней комнате – растянувшись на диване, девочка смотрела телевизор. Минди заметила излишний интерес Таны. Накинула на плечи одеяло, поднялась с дивана и вышла из гостиной.

Вот блин.

Тана посмотрела на Бабаха.

– Ты не пьян?

– Нет, к сожалению.

– Кто достоин сожаления, так это ты и Янкоски, – сказала она. – Мне нужно лететь на базу ВестМина. Ты меня довезешь, и сейчас же.

Некоторое время он изучал ее лицо. Его взгляд был дерзким, пронизательным. Тана выдержала этот взгляд, подавила в себе желание сморгнуть или сглотнуть. Он поднял глаза в небо, лениво почесал щетинистый подбородок и шею, а потом посмотрел на маленький указатель направления ветра над дверью.

– Будем лететь по прямой туда и обратно, – сказал он. – Впереди несколько штормовых фронтов. Первая волна пройдет еще до утра.

– Можешь оставить меня там, а забрать утром, когда прояснится.

– Если прояснится, – уточнил он. – А что с Янкоски?

– Недоступен.

Его губы изогнулись в кривой, медленной улыбке.

– Подожди, я переоденусь. Потом прогрею старуху «Зверюгу», – и захлопнул дверь перед носом Таны. Девушка тихо выругалась, стянула перчатки, занялась мобильным. Ветер усилился, крошечные хрупкие снежинки хлестали по щекам. В лесах выли койоты, их крики становились все громче, возбужденнее. Задумавшись, кого они убили, Тана нажала на вызов.

– Розали, я улетаю с О’Халлораном. На севере лагеря жуткий случай нападения волков. – Сообщив детали, добавила: – Возможно, до завтра не вернусь. Приглядишь за мальчишками, напоишь, накормишь? Собачья еда в кухне, лосиное мясо в холодильнике. Дверь наверху я оставила открытой.

– Не вопрос. А что с Янкоски?

– Он больше на нас не работает.

– Неужели опять нажрался?

– Опять? Так он алкоголик, что ли? Почему мне никто не сказал?

– Да тут у большинства проблемы с алкоголем, Тана. С кем же мы теперь будем работать, с Бабахом?

С человеком, который нелегально продает алкоголь и чуть не убил Тимми Накенко? Который живет с несовершеннолетней? Ни за что.

– Да найдем кого-нибудь. Это всего на один раз. Он вышлет тебе счет.

Бабах открыл дверь, одетый в старую кожаную куртку-бомбер, отороченную овечьей шерстью. Еще на нем был старый кожаный шлем, а на лбу блестели очки-авиаторы в металлической оправе. Не говоря ни слова, он прошел мимо Таны, и, обернувшись, она увидела на куртке сзади выцветший принт – голую грудастую женщину с крыльями. На кой черт он вырядился как чокнутый пилот времен Второй мировой? Она смотрела, как он дошел до взлетной полосы, открыл ворота, ведущие к огороженному спуску, и остановился.

– Вперед, констебль! Машину можешь припарковать у ангара.

Тана снова тихо выругалась и поплелась к грузовику. Подъехала к ангару, пока Бабах проверял самолет и открывал дверь. Откинул пассажирское сиденье, залез внутрь, помог Тане затащить вещи в бочкообразную грудную клетку «Зверюги». Салон был горчично-желтым, сбоку шла широкая бордовая полоса. Возле руля Бабах приклеил картонные зубы. Вид был жутковатый – будто эта огромная машина может сожрать самолет поменьше, вроде «Сессны» или «Супер Каба».

– Лагерь не так далеко, чтобы лететь на этом вот, – заметила Тана.

– Если хочешь взять столько вещей, тебе нужен этот самолет, – сказал он, забирая у нее сумку с электрической изгородью и запихивая позади сиденья. Он потянулся за рюкзаком, где лежали ружье и винтовка. – Может, «Зверюга» не так изящно приземляется, как малень-

кие птички, но груз выдержит побольше, чем «Супер Каб» или там «Гелио», – он поймал ее взгляд. – Но, если хочешь, можешь лететь с Янкоски. Я же не возражаю.

Она молча протянула ему рюкзак. Положив его на пол, Бабах сказал:

– Давай садись на пассажирское место. Шлем лежит на сиденье, – и захлопнул дверь у нее перед носом. Тана, глубоко вздохнув, забралась в самолет, плюхнулась на сиденье, обнаружила наушники и сразу же надела. Кабина оказалась по-спартански маленькой и холодной. Их руки постоянно сталкивались.

Бабах начал накачивать ручной насос, чтобы повысить давление трубопровода. В машине что-то защелкало, он нажал на пуск, «Зверюга» взвизгнула и раскашлялась, как автотопливный насос с издыхающим аккумулятором. Он дал газ, и машина, содрогнувшись, понемногу начала оживать. Тана подумала, что Янкоски даже в таком состоянии лучше справился бы со своей «Сессной».

О’Халлоран повел самолет к взлетно-посадочной полосе.

– Ну и где ты взял этот древний костюм? – поинтересовалась Тана, указав на его куртку, просто чтобы отвлечься от мыслей о том, как дребезжит мотор и трясется «Зверюга».

– Это дедушкин. Его застрелили в полете над Голландией.

– И как он тогда смог отдать его тебе?

– Тело дедушки обнаружили голландские школьники, куртку отдали моему отцу. Он тоже стал пилотом. Начал учить меня летать, когда мне было четырнадцать.

– Совсем как ей сейчас, ты знаешь об этом?

– Кому?

– Минди. Ей только четырнадцать. Ты в курсе?

Он взглянул на нее. В полумраке кабины по его лицу пробежала мрачная тень. Губы изогнулись в ленивой ухмылке, на обветренных щеках вновь появились ямочки.

– Так *вот что* ты подумала?

Тана ничего не ответила.

– Мы с Минди просто друзья. – Он натянул очки и стал похож не то на Черного Демона, не то на Светлого Рыцаря – как там еще называли асов Второй мировой? Только шелкового шарфа не хватало.

– Да ты и сама на вид ненамного старше.

– Если попадешься, – тихо сказала она, – честное слово, посажу. Растление несовершеннолетних.

Он вновь взглянул на нее. Все его тело, казалось, пылало жаром, и она ощущала исходящую от него опасность.

– Вот как? – спросил он.

– Именно так.

– Что случилось в лагере – зачем ты им понадобилась? – поинтересовался он, когда самолет полз по заснеженной полосе.

– Инцидент с местной фауной, – ответила она, крепко прижав ладони к бедрам.

– А конкретнее?

– Узнаю, когда прилетим.

Какое-то время он изучал ее лицо, будто пытаясь по его выражению понять ее характер, она же молилась, чтобы он следил за дорогой.

– Вы готовы, констебль?

– Всегда готова.

«Зверюга» медленно поднялась на небольшую высоту, толстый живот чуть коснулся макушек черных елей.

– Ну, – сказал он, – время инструктажа по технике безопасности. Аварийно-спасательное оборудование – в хвосте самолета. Ну, если не вывалилось, – он мрачно ухмыльнулся. Тана

закрыла глаза, про себя молясь, чтобы ее не вырвало, и изо всех сил постаралась не думать, за что Бабах получил свое очаровательное прозвище.

Глава 4

Огни сверкали у берега черного озера, блестевшего, как зеркало в темной комнате. Под толщей этой чернильной воды в залежах кимберлита скрывались алмазы. Чуть южнее озера располагался исследовательский лагерь.

О'Халлоран низко вел «Зверюгу» к световой полосе, отмечавшей границу посадки. Крылья дико сотрясал ветер, рвущийся с горных хребтов на востоке. Сердце Таны колотилось в горле, она крепче сжала руками бедра – под ней проносились земля, снежинки, как астероиды, летели в лобовое стекло, пропеллер вращался в бешеном стаккато. Но, к чести О'Халлорана, он прилетел вовремя. Колеса резко стукнулись о мерзлую белизну и покатались по взлетной полосе.

У края этой полосы, возле двух арочных ангаров, стоял вездеход. За ним ежились мужчина и женщина в теплых куртках. Их лица в жестком белом свете мачты прожекторного освещения казались призрачными.

О'Халлоран свернул в сторону и остановил свою неповоротливую машину. Падал снег, и белые хлопья кружились в воздушных потоках, как бы празднуя их удачное приземление.

Тана стянула шлем, открыла дверь, выпрыгнула из кабины. О'Халлоран стал вытаскивать вещи и передавать ей. Когда она забрала у него тяжелый рюкзак, ружье и винтовку, к ней быстрыми шагами, чуть покачиваясь, подошел невысокий поджарый человек.

– Гарри Бландт, – представился он пронзительным голосом. Тана поставила рюкзак на землю, пожала ему руку. Его ладонь была холодной и сухой, хватка – крепкой. Казалось, он вибрировал от напряжения. Женщина, которая была с ним, осталась стоять у вездехода и смотреть, как высокий сильный парень тащит из ангара инвентарь.

– Я начальник лагеря, – добавил Бландт, переминаясь с ноги на ногу то ли от холода, то ли от нетерпения. Он был на голову ниже Таны и намного ниже, чем она себе представляла по рассказам. И все же она сразу узнала того, кто часто появлялся в СМИ. О Бландте обычно отзывались как о неуклюжем, гиперактивном, нервном, страдающем синдромом дефицита внимания, но при этом гениальным охотником за сокровищами. Это он обнаружил алмазы на дне Ледяного озера, когда Де Бирсы и другие крупные корпорации по добыче драгоценностей провозгласили эту местность никуда не годной. Было очевидно – если он сумеет воплотить свой план в жизнь, если получит поддержку правительства и необходимые средства, вскоре он делается очень, очень богатым человеком. Живые темные глаза внимательно оглядели Тану из-под седеющих бровей. Он показался ей похожим на жука.

– Констебль Тана Ларссон, – сказала она, натягивая перчатки. Дыхание собиралось в густое облако пара. Она забрала у О'Халлорана сумку с электрической изгородью, поставила в снег рядом с остальными вещами.

– Маркус готовится вас встретить, – сказал Бландт. – То, что случилось, ужасно. Просто ужасно. Один квадроцикл уже готов, он проверяет безопасность второго, он мой охранник, классный парень, он хороший, очень хороший, из африканских шахт, вам помочь с сумками? – Слова вылетали изо рта Бландта, как огонь из пулемета, и наталкивались друг на друга. Тана была наслышана о его специфической манере говорить, постоянно перескакивая с одного предмета на другой, будто он не в состоянии хоть на миг удержать в себе мысли, постоянно бурлящие в его мозгу. Его слушаешь, так можно спятить, сказали ей.

Она много слышала и о беспощадности Бландта. Никогда не уставая, он требовал того же от других. Он заставил пройти весь путь до конца даже своего четырнадцатилетнего сына. В общем, Гарри Бландт стал настоящей легендой территории северо-запада Канады и Юкона, ничуть не менее увлекательной, чем легенды далеких времен.

Взвалив рюкзак на плечи, Тана посмотрела на О'Халлорана. У него оставалась еще одна сумка.

– Иди давай, – сказал он, – эту хрень сам поташу.

Она немного помедлила, потом ответила:

– Спасибо.

– Место происшествия где-то в трех часах езды отсюда, – сказал Бландт, пружинящей походкой спеша к вездеходу и ангарам. Женщина по-прежнему стояла там и курила.

– Единственный способ попасть в Долину Безголовых – двигаться на северо-восток вдоль берега. Довольно скалистая и местами болотистая местность, особенно где река впадает в озеро. Там трудно пройти, но сейчас, надеюсь, все уже подмерзло. Потом начинается крутой обрыв. Большие валуны вдоль горного хребта, скользкие от снега и льда. Последние мили нам придется идти пешком, до утеса, где Хизер их и нашла. Ужасно, просто ужасно. Мои ребята пристрелили четырех волков. Может, сейчас еще сбежались. – Бландт смерил взглядом ружье и винтовку Таны. – Вы одна?

– Да, сама по себе.

– Просто ужасно, – повторил Бландт, и Тана не поняла, что он имеет в виду – происшествие или тот факт, что она приехала одна.

Густой снег скрипел под ботинками. Воздух был резким, от воды шел свежий бриз, клубился туман.

– Вы знали погибших? – спросила Тана. – Можете что-то о них рассказать?

– Селена Аподака и Радж Саджит. Обоим чуть за двадцать. Работали над изучением ДНК гризли, в рамках учебной программы, пока правительство еще не распорядилось строить тут шахту. Со времен старых добрых Екати и Дьявика⁵ правила стали куда жестче. Большую часть Ледяного озера придется осушить, чтобы копать карьер, вы же понимаете, так проще всего достать куски кимберлита. Здоровые такие куски, кроме карьера, тут ничего не сработает. Но, конечно, скажется на окружающей среде. Долину Безголовых ждут перемены. Селену и Раджа Хизер – вон она, стоит возле квадроциклов – привезла в пятницу утром, и еще команду, изучавшую росوماх. Странные звери эти росوماхи. Мифические существа северных лесов. Все равно что призраки – знаешь, что они рядом. Понимаешь очевидное. Но их самих не видишь. Хитрые хищники, падальщики, семейство куницевых. Известны большой силой и быстрой реакцией. Кроме как здесь, в Северной Америке их нигде не увидишь. Вымерли. Не смогли смириться с утратой территории – понимаете?

– Вы хотите сказать, эти команды искали следы гризли и росوماх, которые вас так интересуют?

– Вроде того. Все же хотят найти свое собственное золотое дно и захватить, чтобы никто ничего не получил. Глупое занятие. Смешные существа – люди. А местные-то, аборигены – они говорят, тут где-то старые кладбища, какие-то бесценные кости, но знаете что? Никто вам не скажет где. Видимо, семейные тайны, которые никому, кроме семьи, знать нельзя. Так откуда мы можем знать, что это за кости? На слово им верить? Знаете, как было в старые времена – если индеец-оленовод заболел, его там и бросят. Бедняга старался не отставать, конечно, ну а все равно в итоге сыграет в ящик и сожрут его росوماхи. Такова природа – росوماх же не зря зовут пожирателями мертвых. Ну и кости, господи ты боже. По всей этой несчастной пустоши кости валяются.

Тана вздрогнула. Да уж, неразговорчивым Гарри Бландта назвать было никак нельзя.

– Это Хизер Макалистер, – сказал Бландт, когда они подошли к женщине у вездехода. Крепкий парень стоял у ангара и заправлял горючим второй квадроцикл. Он посмотрел Тане прямо в глаза, но даже не кивнул в знак приветствия.

⁵ Первые в Канаде подземные алмазные рудники.

– Вы, значит, новый полицейский? – спросила Макалистер, бросив сигарету в снег. Раздавлив ее ботинком, она наклонилась вперед, пожала руку Танае. – Рада знакомству. Жаль, что в таких обстоятельствах.

Хизер была высокой и поразительно красивой. Густые светлые волосы, широко посаженные голубые глаза, крупный рот, острые скулы. Такие черты прекрасно смотрятся на экране. Женщина дрожала, лицо было бледным, рука – сухой, холодной. Крепкая хватка.

– Это вы их обнаружили? – спросила Тана.

Она кивнула и, дрожа, спрятала голые ладони под мышки.

– Они вынуждены были провести здесь пятницу и субботу. Мой график в пятницу был слишком загружен, я в любом случае не смогла бы их забрать. И потом, туман. Видимость нулевая. Тут столько утесов, место опасное, особенно если не видишь, куда летишь. – Она прокашлялась. Голубые глаза слезились от холодного ветра. Тана заметила, что белки Хизер красные, а изо рта пахнет алкоголем. – Селена и Радж хорошо подготовились, чтобы переждать здесь – при них было оружие. Так положено по протоколу, и многие команды так делали. – Она вновь закашлялась. – Погода ненадолго прояснилась только сегодня в полдень. Я прилетела сюда, забрала другую команду – Веронику, Дина и двух собак. Потом мы полетели к озеру, но Селены и Раджа нигде не было. Я пыталась связаться с ними по радиации – никакого ответа. И на текстовые сообщения тоже. Поэтому мы стали их искать и... – Она осеклась, утерла нос тыльной стороной ладони. Тана обратила внимание на ее руки – мозолистые, потрескавшиеся от холода руки рабочего человека. Тане сразу же понравилась эта женщина. – И нашли.

– Когда это случилось? – спросила Тана.

– Вчера около часа дня.

– И что вы увидели?

– Их... кровь на снегу. Внутренности, оторванные конечности, клочья одежды. Тела обгладывали волки, четверо. Я их отпугнула, но ненадолго. Скоро они вернулись опять.

– Вы не спустились к ним?

– Нет, – ответила Хизер. – Мы все равно уже ничем не смогли бы им помочь, а погода уже опять начала ухудшаться. Снова повис туман. – Она опустила глаза, посмотрела на свои ботинки, потом снова встретила взглядом с Таной. – Мне так плохо. Если бы я посадила самолет, мы убили бы этих животных, но мы ведь и сами могли тут застрять неизвестно насколько. И никакого контакта с внешним миром. Радиус приема очень ограничен. Я подумала, лучше будет вернуться с той командой. Спасти хотя бы их. Я знала, что у Гарри есть все необходимое для спутниковой связи и мы можем вызывать сюда вас, ребята. Вы не сразу получили сигнал – это из-за погоды, – так что Маркус и Тивак сами туда отправились. Маркусу удалось дозвониться, когда погода немного наладилась. – Она с силой потеряла рот ладонью. – Они были такие классные.

– И никаких шансов, что кто-то выжил, не было?

– Черт возьми, да нет, конечно. Какие нахрен шансы. Их разорвали в клочья, вырвали кишки, выпотрошили. Голова... Селене оторвали голову. Я... – ее глаза заблестели, – простите, – она вытерла слезы кулаком, – я видела много смертей. В Ираке, Афганистане, Ливии. Мужчин и женщин бомбами разносило на куски. Я выносила тела с поля боя. Но это... так могут рвать только дикие животные. Они видят только мясо. Жрут еще живых. Медведи так делают – не дожидаются, пока наступит смерть. И волки тоже. Когда еще понимаешь происходящее...

При мысли об этом дрожь прошла по позвоночнику Таны.

– Вы были на войне?

– В американской армии. Сначала медиком, потом выучилась на пилота. Потом Афганистан, Ирак. Ливия. Лет семь назад уволилась и теперь здесь.

Посттравматический стресс, подумала Тана. Она всюду видела его признаки после того, что случилось с Джимом.

– Компания, которая с ними работала, уже знает?

– Да, – вмешался Бландт. – Я связался с начальником проекта около часа назад.

– А другая команда? Где она сейчас?

– Уже вылетела назад в Твин-Риверс. У меня был свободный самолет, и мы их туда посадили. Они работали здесь последнюю неделю.

– Вы можете связаться с ними, пока меня не будет? – спросила Тана у Бландта. – Попросить их оставаться в городе, чтобы я могла задать им несколько вопросов?

Бландт и Макалистер переглянулись.

– Конечно. Без вопросов, – сказал Гарри.

– А тот, кто отправился с Маркусом Ван Бlichem... кто застрелил волков...

– Тивак Кино, – сказал Бландт.

– Где сейчас Кино?

– Вылетел с моей командой около получаса назад, – сказал Бландт. – Все улетели, кроме нашего повара, Маркуса и меня. Один из ребят женится, ну вы же понимаете, я дал им несколько дней повеселиться в Йеллоунайфе. Лагерь мы уже подготовили к зиме, теперь только ждать, пока в январе проведут ледяную дорогу. Тогда выложимся на всю катушку, будем таскать сюда оборудование, машины, все, что весной пригодится.

Квадроцикл, стоявший у ангара, заворчал, возвращаясь к жизни. Маркус нажал на газ, подъехал к Тане. Не разжимая губ, буркнул:

– Констебль?

Его глаза были темными, взгляд – нечитаемым. Он казался спокойным и по-звериному наблюдательным; Тану это напрягло.

– Это с вами я общалась по телефону? – спросила она.

– Да. Я Маркус Ван Блик. – Не протянув ей руки, он потянулся за рюкзаком. – Я вас отвезу.

Помедлив, она отдала ему рюкзак, который он забросил в багажник квадроцикла, потом забрал у Бландта сумку с электроизгородью и стал ремнями прикручивать к багажнику.

– Боюсь, больше мне некого с вами отправить, – сказал Бландт, глядя на Ван Блика. – Уверены, что не хотите ждать до завтра?

– Пока мы болтаем, тела растаскивают волки, – отрезала Тана. – Я должна увидеть останки до приезда следователя.

Все трое переглянулись, и Тана почувствовала, что ее здесь не особенно хотели видеть.

– Я поеду с вами, – внезапно предложила Макалистер. Но Тана, мягко взяв женщину за руку, отвела ее в сторону.

– Вы пьяны, Хизер? – тихо спросила она.

– Ну, выпила немного виски. А кто бы не напился после такого? Я уже сказала, война – одно дело, но эти дети...

– Отдохните немного, ладно? – попросила Тана. Гражданская безопасность была для нее превыше всего, и хотя Хизер твердо стояла на ногах, пахло от нее так, будто она выпила слишком много. Выдавал и взгляд. – Мне понадобятся и ваши показания. Пожалуйста, оставайтесь в лагере, пока я не вернусь. Если погода не испортится согласно прогнозу, следователь приедет днем...

– Не стоит доверять прогнозу. – Теперь в голосе Хизер слышались нотки раздражения. – В Долине Безголовых своя погода. Топография, от озера – холод, от болот – тепло, утесы опять же – везде ясно, а там туман.

– Ну, будем надеяться на лучшее.

Макалистер смерила ее усталым взглядом, в котором читалась едва заметная враждебность. Тана уже привыкла к этому. Очень юная девушка-полицейский среди дикого мира, где правила независимость, свобода духа, привлекавшая грубых и вольных ковбоев – как мужчин, так и женщин, сильных людей, ненавидевших бюрократию, не привыкших опираться на руку закона. Городские удобства, такие как вода из крана, канализация, электричество, гастрономы и возможность набрать 911, не слишком высоко ценились жителями Севера.

– Хорошо, – тихо сказала Макалестер, – я подожду. Но если вас не будет слишком долго, вылету к вам. Я работаю на компанию «Арктический ветер», и пока не наладится погода, мы закрыты для взлета и посадки – бог знает, сколько это продлится. Моя база в Твин-Риверс, там меня и найдете.

Пока она говорила, к ним подошел О'Халлоран с сумкой Таны в руках.

– Спасибо, – сказала Тана. – Можешь лететь домой, если хочешь.

– Окей. Спасибо, констебль.

– Мне нужен твой номер, чтобы созвониться и забрать меня. Иначе придется лететь вместе со следователем.

Он глубоко вздохнул, сунул руки в карманы и некоторое время смотрел в сторону, обдумывая что-то, потом сказал:

– Ты знаешь, я ведь на вас не работаю. Только сам на себя.

– Я тебе заплачу.

– Не нужна мне *твоя* оплата.

Черт бы его побрал! Хочет, чтобы его упрашивали.

– Можем подписать долгосрочный контракт, – предложила она, не уверенная, что его криминальное прошлое позволит ему заполнить анкету, необходимую для контракта с полицией Канады.

– Я же сказал, мне это не надо.

Их глаза встретились. Ветер со снегом хлестал порывами. Ей нужно было идти. Она слышала, как Маркус заводит ее квадроцикл. Секунды тикали.

– Тогда сегодня вышли мне счет. – Повернувшись, она пошла к ожидавшему ее вездеходу и по пути услышала, как Макалестер говорит О'Халлорану:

– Я видела тебя в пятницу, Бабах. Твой самолет приземлился на другой стороне утеса, где работали бедные ребята. Где-то в полдень, когда я летела за другой командой.

– Это был не я.

Тана застыла на полпути, заинтересованная.

– Ярко-красный «АэроСтар 380Е»? Думаешь, тут таких много?

– Сказал же, это не я.

– Ты, конечно. Я пыталась связаться с тобой по рации.

Тана поставила сумку на землю, села на корточки, сделала вид, что завязывает шнурки. Ей нужно было дослушать до конца разговора.

– Это мог быть кто угодно, хоть геологи. «АэроСтар» – один из самых бюджетных самолетов.

– Я знаю. Сама такой купила, подержанный, в Инувике. Почти нетронутый. Я уже закончила с этим делом, но есть небольшие проблемы с муфтой. Хотела кое-что у тебя спросить.

Тана занялась другим шнурком. Ван Блик нетерпеливо сигнализировал. Время поджимало.

– Ну, позвони, как будешь в городе, – сказал О'Халлоран. – Несколько дней точно тут буду. Свяжемся.

– Вы готовы, констебль? – проревел Ван Блик.

Снег усилился. В воздухе кружились густые хлопья, от озера поднимался густой туман, бледные огоньки растворялись в призрачном сиянии.

Она показала Маркусу большой палец, поднялась на ноги, помчалась вперед. Зашвырнула в багажник последнюю сумку, сняла ондатровую шапку, сунула за шиворот куртки, натянула шлем и очки, лежавшие на сиденье вездехода. Ван Блик даже включил подогрев.

Он рванул вперед, полосы света от фар расталкивали плотный туман.

– Ехай прям за мной, – скомандовал он. – Навигатор – дерьмо полное.

Они повернули к черному озеру, и туман поглотил их. Тана зачем-то напоследок обернулась.

В ярко освещенной утробе ангара виднелся призрачный силуэт О'Халлорана. Спрятав руки в карманы, он смотрел на нее. Ей стало неловко.

Бабах смотрел, как Тана Ларссон, молодой констебль, исчезает в тумане вслед за Ван Бликом, и темное, неясное чувство понемногу просачивалось в его душу. Вслед за ним пришло напряжение. Недовольство. И странное ощущение убегающего времени.

Ван Блик мог быть опасен, в зависимости от того, кто ему платил. Но, насколько Бабаху было известно, рядом с ним Тана была в безопасности, по крайней мере сегодня. И по крайней мере пока не вляпается в его вонючее болото.

Бабах выругался, повернулся и пошел к самолету. Делать ему больше нечего, кроме как волноваться за тощую задницу салаги-полицейского.

Хватит с него беспокоиться о других.

Она как-никак сотрудник правоохранительных органов. Это ее выбор. Она обязана разгребать все, что случилось на ее территории. И да, порой копы пропадают без вести. И гибнут.

Такая работа. И не его проблема.

Глава 5

Тана осторожно пробиралась по гладкому склону, ведущему к краю горного хребта на юге. Дыхание царапало ей горло, густой пар изо рта в свете налобной лампы был похож на дым. Пока она ехала на внедорожнике Ван Блика по тихому широкому лону Долины Безголовых, температура существенно снизилась и продолжала снижаться, когда она старательно ставила ноги в отпечатки ботинок Ван Блика, а он двигался вперед по заснеженным валунам, как безмолвный циклоп, и налобный фонарь, словно око, освещал ему путь.

В тумане неясно нарисовался утес. Тана не увидела его, скорее почувствовала. Несмотря на холод, по ее груди стекал ручеек пота. Рюкзак был тяжелым, предписанный правилами бронезилет под курткой, туго стягивающий ремнями все тело, не давал дышать. Плотный, как густой слой клея, он с каждым шагом все сильнее давил туда, где между нижним краем куртки и кобурой стремительно надувался живот. Один только бронезилет добавлял десять фунтов к тому весу, который ей приходилось тащить. Она выбилась из сил, кровь отлила от лица.

Они оставили вездеходы у края берега, там, где тропа сузилась и стала слишком крутой, чтобы можно было проехать. Согласно навигатору, они могли увидеть край утеса в любую минуту. Отсюда они могли увидеть то место, где лежали тела.

Внезапно она замерла, волосы на руках встали дыбом. Кто-то был рядом.

Потом она услышала звук. Неясный, далекий, нарастающий вой. Вслушалась в первобытную тьму, откуда он доносился. Его подхватили другие, и, нарастая все громче, он перешел в дикое, пугающее крещендо. Тревожный клич, он всегда вынуждал Тану трястись от страха. Особенно сейчас, стоило ей лишь подумать о том, *что* они там едят. Сердце забилося чаще. В ответ на вой раздалось короткое повизгивание, а потом долгий, протяжный стон с другой стороны утеса. Ей показалось, они окружены волками, которые прячутся в темноте. Ван Блик тоже остановился, прислушался.

– Стая или две, пришли на трупы, – сказал он ей. Тана медленно повернулась. В свете фонаря перед глазами запрыгали тени, снежные хлопья летели в лицо. Что-то еще, не только вой, вызывало дрожь. Она чувствовала это – совсем рядом. За ними что-то наблюдало из тумана. Что-то большое, безмолвное, злобное.

Она сглотнула. Ван Блик продолжил путь по тропе. Тана всматривалась в его массивную фигуру, стараясь успокоиться, восстановить дыхание, взять себя в руки. Этот человек двигался со спокойной, продуманной, наблюдательной расторопностью охотника, подумала она. Должно быть, он и сам хищник, если ему не страшна эта дикая территория. Тана не доверяла людям, не знающим страха. Страх был нормой, необходимым условием выживания. Она знала дикий мир, умела охотиться – ее учил отец в те редкие дни, когда, спасая от матери, брал с собой, – а потом снова исчезал на долгие месяцы, даже годы. Тана знала страх. Разного рода. Здесь она ясно чувствовала – она всего лишь человек, слабый, хрупкий, с ограниченным ночным зрением, беззащитная против стаи волков, в унисон воющих среди бескрайней тьмы. Как и против любого другого животного, способного видеть в темноте.

Она побрела за Ван Бликом, опасаясь, что он исчезнет в тумане, и заставила себя думать только о предстоящей работе. Это подстегивало, побуждало осознавать свою значимость.

Спустя десять минут или около того справа от нее по скале скатился маленький камень. Тана застыла, с трудом дыша. Сердце колотилось – бум, бум, бум, – кровь билась в барабанные перепонки. Она медленно повернула голову, направила налобный фонарь туда, откуда раздался шум. Но луч был бессилен – он растворился в темноте, вместо того чтобы проникнуть сквозь нее. Чувство, будто здесь, за мокрой занавеской тумана, что-то скрывается, стало сильнее.

По склону скатился еще камень. Она подпрыгнула и убедилась, что винтовка и двенадцатикалиберное ружье по-прежнему с ней.

– У тебя там все нормально? – спросил Ван Блик.

– Я что-то слышала.

Он навел налобную лампу на холм. В ответ из темноты вспыхнули два оранжево-красных огонька. Вот дерьмо! Живот Таны село.

– Медведь! – заорала она и схватилась за винтовку. Кое-как стянула перчатки, вскинула винтовку. Сердце бешено колотилось. Сжала пальцем курок. Туман рассеялся, и яркие оранжевые круги пропали.

Зверь притих. Спрятался.

Она посмотрела вниз, туда, где горели глаза. Всем телом она ощущала присутствие медведя. Если это гризли, она уже его обед. С такого расстояния, при такой видимости, она не справится с животным, даже если случайно в него попадет. Слева от нее загрохотали камни.

– Ты его видишь? – крикнула она.

Ван Блик медленно навел фонарь на холм. Тишина внезапно стала удушающей. Медведи – хитрые хищники. Он мог скрываться у них за спиной. Мог быть где угодно.

Время тянулось.

– Думаю, он ушел, – гаркнул Ван Блик откуда-то сверху. Тана немного подождала, потом опустила оружие, вновь натянула перчатки. И краем глаза поймала чью-то тень. Напряглась. Неловко двинулась в сторону, ботинок соскользнул по слою льда под ногами, она ударилась локтем о скалу. Боль свела руку, грудь сжала. Винтовка выпала, скатилась вниз по валуну. Твою мать.

Ван Блик навел на нее фонарь.

– Дать тебе руку?

– Все нормально, – ответила она, щурясь, как крот, от резкого света. – Убери фонарь, я ничего не вижу, – нагнулась, подняла винтовку. Ее охватила досада, и она постаралась удержать в себе это чувство. Оно вело вперед, помогало собраться.

– Камни скользкие, – отметила она, вновь поднимаясь под тяжестью рюкзака. – Может, ты будешь светить в эту тварь, а не в меня?

Ван Блик наблюдал за ней, ожидая, пока она приведет себя в порядок.

– Со мной все хорошо, – она отряхнула снег со штанов. Он по-прежнему не двигался.

– Ты точно не ударилась?

– Я сказала – все хорошо! Какое слово ты не расслышал?

Он смерил ее долгим взглядом, потом повернулся и пошел вперед очень медленно, что не укрылось от ее внимания.

– Хватит, – возмутилась она. – Еще раз – со мной все в порядке!

Он имел наглость сдавленно хохотнуть. Вот ведь засранец!

Было одиннадцать сорок, и снег уже не падал, когда они добрались до хребта. Сначала слышали звуки. Мокрое рычание, урчание, чавканье. Хруст.

Звуки, которые издают животные, пожирающие мясо. И кости.

Человеческие мясо и кости.

Ван Блик сделал ей знак пригнуться. Она медленно припала к земле рядом с ним.

– Видишь? – прошептал он, указывая в темноту. – Вон они.

Тана моргнула, пытаясь осознать то, что видит.

Тени. Силуэты. Животных – сколько, она не могла сказать, – волков, которые разрывали на части то, что раньше было Селеной Аподакой и Раджем Санджитом. Желчь подкатила к горлу.

– Господи Иисусе, – прошептала она.

– Что будешь делать? – спросил Ван Блик.

– Отгоню их от бедных ребят, – не задумываясь, ответила Тана. Вытащила из кармана две ракетницы с карандаш величиной, одну протянула ему вместе с пиропатроном. – Держи. Я хочу посмотреть, сколько здесь животных и каких.

Вставила пиропатрон в ракетницу, низко склонившись, чтобы налобный фонарь освещал то, что она делает.

– Ты первый. Старайся целиться в воздух над ними. Потом я пальну.

Ван Блик прицелился очень верно. Над кровавым побоищем поднялось ярко-розовое облако. Раздался вой, потом повизгивание. Несколько волков отскочили, но два самых больших так и остались стоять над добычей, широко разинув мокрые окровавленные пасти и пристально глядя на гостей. Страх при виде агрессивно настроенных самцов подстегнул адреналин Таны. Она пальнула вправо, в том направлении, куда убежало несколько животных. Ракетница взорвалась с громким треском, взвилась в тумане. Волки сжались, но уходить не торопились. Она разглядела пятерых. Один из альфа-самцов и волк поменьше понемногу вновь начали подкрадываться к трупам.

– Никуда они не уйдут, – тихо сказала Тана. – Кровь их раззадорила.

– И вкус человечины, – так же тихо ответил Ван Блик.

Тана сняла с плеча винтовку.

– Займись двумя, что слева, – велела она, – а те, что справа, мои.

Они выстрелили, перезарядили оружие, снова выстрелили, и еще. Как солдаты, бок о бок, убивали врагов. Волки взвизгивали, скулили. Рычали. И падали. Спустя несколько минут все было кончено. Повисла оглушительная тишина. Тана ощутила кислый сернистый запах. Сердце колотилось, по телу ползли ручьи пота. В глазах защипало.

– Нам надо было это сделать, – прошептала она скорее себе, чем Ван Блику. – Для экспертизы понадобится вскрыть трупы животных. К тому же эти волки съели так много... они распробовали человечину. Нам в любом случае пришлось бы их убить.

Ван Блик молчал, глядя вниз, в долину. Свет ракетниц понемногу угасал. Их снова окутала тьма. Тана вытерла рот тыльной стороной перчатки. Рука дрожала.

– Надо идти, – сказала она, – пока не пришли новые падальщики. Нужно спасти останки несчастных детей.

Глава 6

– Да тут просто мясная лавка, – сказал Ван Блик, наводя фонарь.

Или бойня... если не принимать во внимание клочки одежды и других вещей, разбросанных по снегу, красно-розовому, вздыбленному. Трупы волков лежали возле останков людей. Ребра просвечивали сквозь темно-красную, сырую плоть. Куски мяса и внутренних органов примерзли ко льду. Кишки разметало.

Тана подошла к тому телу, что лежало ближе, стараясь делать как можно меньше шагов. Но это, конечно, было бесполезно, потому что снег был весь в полосах, следах возни и драки, ботинок и лап. Отпечатки ботинок, по-видимому, оставили Ван Блик и Кино, когда пришли сюда и застрелили первых волков.

Запах, стоявший в воздухе, был тяжелым, плотным. Сладковатый запах сырого мяса, на который наслаивался железистый аромат крови. Запах страшной смерти – впервые почуяв, вы уже не смогли бы его забыть. В голове Таны снова всплыл образ Джима в ванной. Она отогнала мысль о нем, сделала глубокий вдох. Зря. Вонь пробитого кишечника ударила в ноздри, и желудок тут же среагировал. Она согнулась, пытаясь сдержаться.

– Вон она, – крикнул Ван Блик, – вон оторванная башка! – Наклонился, чтобы разглядеть получше.

– Отойди, – сказала она.

Он посмотрел на нее, ослепив светом налобного фонаря.

– Господи, не свети ты мне в глаза! Встань и иди отсюда. Только осторожно, ничего не трогай и ни на что не наступи. Иди вон туда, к утесу, и стой на стреме, если еще животные притащатся.

Он неловко молчал, дыхание в свете фонаря вилось густым белым паром. Потом спросил:

– А ты?

– Я огорожу тела проволокой. Одно и второе.

– Да блин, их по всей долине разметало.

– Хотя бы... основные части, – она закашлялась. – Пожалуйста, уходи. Сейчас.

Еще немного помедлив, он сказал:

– Да, мэм.

Она подождала, пока он дойдет до края утеса. Когда он поднялся туда и стал водить фонарем в поисках животных, вновь склонилась к трупам.

Она сразу поняла, что это Радж Санджит, хотя половину его лица сожрали. Волосы, все в запекшейся крови, были черными, коротко подстриженными. Полуоторванная ладонь в свете фонаря блеснула бронзовым загаром. Живот был разорван, внутренние органы, богатые питательными веществами, растащили, оставив под ребрами кровавую зияющую дыру. Тана повернулась к другому телу. Ее желудок вновь свело жестоким спазмом.

На месте головы остался лишь обрубок, откуда торчала кость и хрящи. Большая часть вспоротой грудной клетки была выедена. Сердца не было, лишь клочок легкого свисал из дыры.

Тана навела фонарь на оторванную голову.

Пробитая, она лежала лицом вниз. Огрызок шеи был изжеван, виднелся череп. Длинные волосы, светлые, кудрявые.

Селена Аподака.

Рядом с головой лежало что-то бледно-голубое. Кусочек шерстяной шапки. К которому прилип зрачок.

Тана едва успела дернуться чуть в сторону, и ее тут же вывернуло наизнанку. Она изо всех сил старалась сдержаться, но зов природы был неумолим. Она согнулась в спазме, прижала руки к коленям, и ее вырвало снова, и снова, и так до тех пор, пока в желудке и во рту не

осталось ничего, кроме горькой желчи, от вкуса которой желудок опять свело. Тяжело дыша, вся потная, она ждала, пока отпустят спазмы.

– Все хорошо, мэм? – позвал Ван Блик. Она грязно выругалась, вытерла рот рукавом.

– Нормально.

Да просто охренеть, как круто. Разблевала свое ДНК по всему месту происшествия.

– Может, тебе помочь?

– Стой, где стоишь. Прикрывай меня.

Ее вывернуло в последний раз, и Тана снова выругалась. Обычно она могла себя контролировать. Но теперь ее тело ей не принадлежало. Им командовало маленькое существо, растущее в ее матке. Даже здесь, рядом с кровью и смертью, оно напоминало о себе, оно отчаянно боролось за жизнь. И Тану накрыло такое острое и внезапное желание выжить – ради ребенка, – что у нее перехватило дыхание.

Она чуть помедлила, пытаясь успокоиться, думая, как лучше справиться с задачей. Один из огороженных участков должен был занять около двадцати семи квадратных футов. Не то чтобы много, но лучше, чем ничего, потому что, если волки или медведь вернутся до рассвета, удар током по крайней мере задержит их. Настолько, что она или Ван Блик успеют выстрелить.

На случай, если опять пойдет снег, она прихватила с собой два куска брезента, чтобы накрыть трупы.

Установка изгороди требовала много времени. И хорошо – лучше, чем сидеть, таращиться на весь этот кошмар и ждать новых хищников. Осторожно, стараясь наступать в свои же следы, Тана вернулась туда, где можно было поставить рюкзак. Налобный фонарь двигался туда-сюда, в тумане прыгали тени. Птица, вероятно сова, низко пролетела над долиной, хлопая крыльями. Тана подняла глаза, увидела большую тень, которая затем исчезла в темноте.

Ее не отпускало чувство, будто за ней следят, будто за ней наблюдают невидимые глаза.

Она перевела взгляд на утес, где виднелась неуклюжая фигура Ван Блика, бродившего взад-вперед. По спине поползли мурашки. Этот человек был опасен, ничем не лучше хищника. Тана постаралась взять себя в руки. Это все усталость. Гормоны. Повышенный сахар в крови. Жестокость, кричавшая из темноты. Мысль о том, что она должна была убить столько красивых волков, которые просто делали то, что им назначила природа, – выживали. Охотились. Ели мясо.

Сначала она распаковала два куска брезента. Осторожно подошла к телам, бережно накрыла. Потом вернулась к своим вещам, склонилась к рюкзаку, стянула и убрала перчатки. Голые пальцы тут же замерзли, она с трудом развязала мешки с изгородью, принялась распаковывать столбы. Потом подтащила их к трупам, и, с трудом найдя место, свободное от камней, воткнула в землю первый столб под углом в тридцать градусов. Потом перешла к следующему. Установив все столбы, размотала тонкую проволоку, стала натягивать от столба до столба. Это была кропотливая работа, пальцы щипало от холода. Спустя час она разделалась с ней, подключила генератор и пошла к Ван Блику, с ружьем в руках сидевшему на камне под утесом. Фонарь лежал позади него, на булыжнике, и лил свет в кромешную ночь. Она выключила свой фонарь, чтобы сберечь батарейки, села рядом с Ван Бликом. Был почти час ночи, понедельник. Еще по меньшей мере семь часов до бледного рассвета. Если батарейки в фонаре Ван Блика сядут, у нее по крайней мере будет замена.

Часы шли. Стало холоднее. Спокойнее. Больше животные не приходили – как будто до них дошли слухи, что здесь плохое место.

– Первый раз видишь кровь, да, констебль? – тихо спросил Ван Блик.

– Да нет, я просто траванулась.

Он не ответил.

– Думаю, инфекцию подцепила, – продолжала она. – Тут ходит. У Розали, нашего диспетчера, внук заболел.

Зачем она оправдывалась? Она не должна была врать. Могла этому радоваться, гордиться. Хотя утренняя тошнота, черт бы ее побрал, должна была уже прекратиться – все-таки пятый месяц. С другой стороны, а кого бы не стошнило при виде такого? Или это признак того, что ей не стать хорошим полицейским? Не суждено однажды выбиться в детективы по расследованию убийств?

Она подумала о Ван Бликке.

– А ты...

– Я жил в Африке, – только и сказал он, и она не стала приставать с расспросами. Прислонилась к холодной скале, мучимая внутренними демонами. По ночам они всегда появлялись. Они изводили ее, убеждали в собственном ничтожестве. Они смеялись ей в лицо, говорили – *ха-ха, маленькая полукровка, думаешь, значок, униформа и пистолет сделали тебя кем-то другим? Думаешь, люди не поймут, что ты дочь проститутки, не узнают, как тебя била твоя мамочка? Думаешь, ты чего-то стоишь, маленькая шлюха? Яблоко от яблони недалеко падает, Тана...*

Она закашлялась, потом сказала:

– Хочешь, спи. Я посторожу.

– Не думаю, что кто-то из нас рискнет уснуть, – ответил он тихо.

Он был прав. И пусть животные так и не появились, чувство, что они наблюдают из темноты, не уходило. Волки. Медведи. Может быть, койоты. Лисы. Даже россомахи. Где-нибудь через час надо бы бросить еще ракетницу, посмотреть, нет ли здесь кого. Бросить предупреждение. У нее было несколько наготове. Еще шутихи, перцовый баллончик, сигнал-гудок. Ветер вздыхал и стонал в скалах, донося волчий вой. Откуда-то издали тут же ответили. Связь дикого мира, предупреждение об убийстве в Долине Безголовых. Понемногу мир готовился встретить рассвет, воздушные потоки изменили направление, будто земля ворочалась, готовясь проснуться.

– Ты раньше охотилась, верно? – после долгого молчания спросил Ван Блик. – Видно, что ты из охотников.

Она окинула его взглядом.

– Из охотников?

В его глазах горели озорные искорки. Он шутил с ней.

– А, так ты имеешь в виду, из индейцев.

Он рассмеялся. Она не стала обращать на это внимание. У людей бывает странное чувство юмора.

– Я охотилась с отцом, – сказала она наконец, – с тех пор как мне исполнилось пять. Тогда он впервые забрал меня с собой.

– Забрал?

– Ну, я имею в виду... в дикую природу, на несколько месяцев. Не помню точно, на сколько. – В голове всплыл образ отца, большого, сильного.

– А мать? – спросил он.

– Она была из индейцев, да. Догриб.

Он ждал, пока она скажет что-то еще, но Тана молчала. В голове кружили нежеланные, неумолимые воспоминания о матери.

– Ну, – сказал он, помолчав еще какое-то время; он даже начинал ей нравиться за попытки ее отвлечь, – я так понимаю, тебе доводилось видеть жертвы животных. Тебе не кажется, что с этим убийством... что-то не так?

– Не так?

– Оно какое-то... странное. Нетипичное.

– Никогда не видела убитых ими людей. По-моему, это само по себе ненормально.

– Ты знаешь, почему это место называли Долиной Безголовых?

– Уверена, ты мне об этом расскажешь.

– В двадцатых годах в нескольких милях отсюда нашли двух старателей. Сидели, прислонившись к утесу, вот как мы сейчас. Полностью одетые, обутые, сумки, молотки, оружие – все при них. Одна беда – голов нет. Просто нет, и все. Только два туловища в такой позе, будто заняты болтовней. А в сумках полно алмазов.

Она повернулась к нему.

– А потом-то нашли головы?

– Не-а.

– Их отрезали, что ли?

– Оторвали. Начисто. Тела не тронули, вырвали головы вместе с шеями, и все.

Она сглотнула и хрипло сказала:

– Легенды. Выходят за пределы реальности, которая их породила.

– Хрен знает, может, и легенды. Только в эту долину лучше не соваться. Вообще в эти скалы. Не знаю, как объяснить, это просто чувствуешь. Даже летом. Прижмешь ладонь к камням и чувствуешь. Оно как будто просачивается в себя. Черная хрень. Ледяная хрень.

– Не ведусь я на твои суеверия, Ван Блик.

Он фыркнул.

– Я достаточно прожил в Центральной Африке, в глухих, мрачных местах, чтобы понять – есть что-то кроме того, что мы видим. Вдали от цивилизации, в Конго, например... ты можешь пересечь границы доступного.

– Что ты делал в Африке?

– В алмазных шахтах работал. На Де Бирс. Охранником.

– Вот с чего ты начинал – с Де Бирс?

– Ну да. Работал на руднике Снэп-Лейк.

– А потом тебя Бландт сюда затащил? Заманил?

– Можно и так сказать.

– А он не боится, что взял на работу шпиона из Де Бирс?

Он хрипло, гортанно рассмеялся.

– В нашем деле все боятся шпионов, констебль. Алмазы же. Канадские, самая твердая валюта. Меня Бландт поэтому так сразу и нанял управлять лагерем, еще до того, как получил разрешение на шахту. Те залежи кимберлита, куда он хочет пробраться, – если интересуешься этой темой, то знаешь, – одни из самых крупных на Севере. Скоро тут все поменяется.

Ну да, начиная с ледяной дороги в январе.

Против воли Тану вновь захлестнули мысли о кольце с крошечным бриллиантом, которое она носила на цепочке под униформой, о бесполезности всего этого.

Где-то часа в три утра батареек в фонаре Ван Блика сели, и Тана включила свой. Температура понизилась еще больше.

Тана радовалась ушам ондатровой шапки, большому капюшону парки, теплоте термобелью, утепленным водонепроницаемым штанам. Даже сдавливающий бронжилет сейчас был в радость. Ветер усилился, принес с собой запахи с севера, за много миль отсюда. Он шелестел в скалах, рассказывал истории о других убийствах. Носы, вдыхая этот ветер, поднимались, лова и изучая.

Тана подтянула к себе колени в попытке спастись от пробирающего холода. По крайней мере, ветер, поднявшись, рассеял туман над долиной.

– Смерть от собак, – мягко сказал Ван Блик, глядя на два куска брезента, скрывавшие то, что осталось от тел, – одна из самых худших. Они раздирают заживо. Лев по крайней мере ломает шею, тихо и быстро, прежде чем начать жрать.

– Может быть, их убили не волки, – тихо предположила Тана. – Может быть, на них напал кто-то другой, медведь например, а волки отогнали его и растащили трупы. Вскрытие покажет.

Глава 7

Понедельник, пятое ноября.

Продолжительность дня: 7.49.11

Бабах повел «Зверюгу» ниже, следуя по серебристому курсу реки Росомахи к лагерю Члико. День обещал быть холодным, ясным. Было восемь утра, солнце двадцать минут как вышло из-за горизонта и теперь расцвечивало небо в оттенки золотого, розового, оранжевого. Все было просто офигенно, но не отпускало неприятное предчувствие. Он ощущал какое-то мрачное беспокойство, приближение беды. Он думал о Тане Ларссон в Долине Безголовых – как она там, одна, с Ван Бликом и двумя мертвыми биологами. Она и все это происшествие выбили его из колеи. Раньше он был уверен, что волен делать только то, что нравится. Но тут к нему заявила она, колотя в дверь и требуя доставить ее на место гибели биологов.

Если попадешься, честное слово, посажу. Растление несовершеннолетних.

Он фыркнул. *Это меньшая из твоих проблем, солнышко...*

Озеро тянулось вперед, латунно-серое на фоне снега. Облака пара вырывались из труб, торчавших из деревянных крыш бревенчатых хижин на побережье озера. Дым клубился из двух каминов главного каменного здания. Весь лагерь Члико был построен в нарочито грубом, дизайнерски продуманном стиле. Суперэлитная база отдыха.

Бабах посадил свою грузную красавицу, колеса аккуратно коснулись взлетной полосы, находившейся в куда лучшем состоянии, чем те, где ему доводилось приземляться. С озера, как всегда, дул ветер. Далеко на воде, за полуостровом поросшей лесом земли, он заметил белые гребни волн. Признак скорой непогоды, первый предвестник грядущих зимних штормов. Пора ставить самолет на лыжи.

Подъехав к станции, он увидел, как Алан Штурманн-Тейлор идет к нему навстречу. Штурманн-Тейлор казался настоящим великаном, копна преждевременно поседевших волос нависала над худым красивым лицом, на котором горели яркие, глубоко посаженные голубые глаза. Остановившись у конца взлетной полосы, он смотрел прямо навстречу ледяному ветру. Вокруг шеи был намотан пестрый непальский шарф – несомненно, трофей из поездки на Эверест. Все мы любим трофеи. Не важно, мягкие игрушки, шарфы, брелки, фотографии для Инстаграма, локоны волос, молочные зубы детей. Все они говорят: я здесь был. Я это сделал. Это моя история. Моя победа. Моя награда. Мое сокровище. Нам кажется жутким, когда серийные убийцы забирают с собой части тела жертв, когда прикасаются к ним снова и снова, чтобы вновь ощутить трепет убийства. Но, в сущности, они ничуть не отличаются от остальных.

Бабах остановил самолет, снял шлем, открыл дверь и прыгнул в плотно слежавшийся снег у спуска. Два носильщика в фирменной униформе подошли к нему, чтобы забрать вещи. Отдав им салют, Бабах открыл дверь грузового люка.

– Ну как ты, дружище? – спросил Штурманн-Тейлор, подойдя ближе, широко раскинув руки. Он обнял Бабаха, хлопнул по спине со свойственной мужчинам бравадой; руки – огромные, как окорока, мышцы – как у дровосека. На нем был костюм, как говорил Бабах, от Патагуччи – дизайнерская одежда для любителя приключений. Очень дорогая.

– Отлично, отлично, – соврал Бабах. – Поездка в Шамони того стоила? Нормально показался?

– Лучшая из всех моих поездок. Одно из гидов унесла лавина, но, черт возьми, какие впечатления! Пошли в дом, пока ребята выгружают вещи. Ты завтракал?

– От кофе бы не отказался.

Штурманн-Тейлор большими шагами направился к главному зданию. Чего бы ни касалось дело – покорения Амазонки, рыбалки в Патагонии, пешеходного тура с бушменами в Калахари, поездки на верблюде через всю Сахару или гонок в Дакаре, – Штурманн-Тейлор

обожал любые приключения, не рассуждал, а действовал. Раньше он был психологом, потом стал серьезным инвестором; перфекционизм помогал ему делать все как надо, мощный интеллект – управлять банковскими счетами. Никого не задевало, что у него изначально был солидный капитал.

– Тут, я вижу, новые группы туристов, – сказал Бабах, указывая туда, где возле стрелкового тира стоял Чарли Накенко с несколькими мужчинами в куфиях и камуфляже.

– Даже две. Саудовцы приехали на гризли охотиться, а другая группа – просто за новыми впечатлениями. В прошлом году был невероятный успех: кухня дикой природы, поиск пищи в лесу с нашим шеф-поваром, общение с местными жителями, демонстрирующими свой образ жизни и ремесла. Индейский очистительный ритуал, барабанный бой. Столько женщин соблазнилось, пока их мужья уходили за добычей, – он расхохотался и открыл большую дверь. – Само собой, наш Чарли – главная достопримечательность. На чаевых целое состояние сколотил.

Они вошли в дом, Штурманн-Тейлор заказал у «дворецкого» – так Бабах называл охранника – два эспresso. Лицо охранника было лишено всякого выражения. Человек-загадка. Из спецслужб Израйля. Сложен как участник уличных боев. Молчаливый, спокойный, он явно здесь скрывался, это Бабах понял уже давно. Совершил что-то запрещенное в своей стране, не имея специального разрешения или особой профессии. Полицейского, например. Но эта часть мира была скрыта от посторонних глаз и жила по своим правилам. Или, скорее, она была настолько неинтересна посторонним, что *пришлось* установить свои правила.

Вот почему ему здесь нравилось.

Вот почему такой человек, как Штурманн-Тейлор, решил выстроить здесь лагерь. Вот почему он заманивал сюда гостей со всего мира – шейхов, бизнесменов с проститутками, политиков, актеров, финансистов и мошенников. Здесь они могли жить в свое удовольствие – джентльменский клуб, так сказать. И обсуждать деловые вопросы.

Штурманн-Тейлор провел Бабаха в библиотеку. Длинный ряд застекленных дверей смотрел на озеро Члико. Большая часть стенного пространства была от пола до потолка разлинована книжными полками, многие из них хранили первые издания в кожаных обложках. В камине потрескивал огонь. Персидские ковры богатых красных оттенков покрывали отполированный деревянный пол, а прибитые между полок головы убитых животных смотрели со стен стеклянными глазами.

«Дворецкий» принес кофе. Штурманн-Тейлор закрыл за ним дверь.

– Ты никогда не говорил мне, как его зовут, – сказал Бабах.

– Предпочитаю, чтобы мои люди оставались анонимными. Неотъемлемая часть атмосферы лагеря. Тебе удалось достать то, что нужно?

Бабах вынул небольшой пакетик из-за лацкана куртки. Положил на антикварный столик, взял чашечку эспresso и блюдце. Сделал глоток. Кофе оказался насыщенным и горьким. Турецким и очень хорошим. Прихлебывая изысканный напиток, он разглядывал книжные полки, в то время как Штурманн-Тейлор открыл пакет, большим и указательным пальцами раздробил высушенный бутон каннабиса и вдохнул аромат.

– Прекрасный, – сказал он.

Бабах ничего не ответил. Наклонив голову, он читал названия книг. Коллекционные издания, которые сюда доставили на самолете. Ему казалось, на той территории каждый объект застрахован. Безопасность превыше всего, слежка засекречена. С каждым новым визитом сюда он понемногу видел все больше, картинка складывалась.

Штурманн-Тейлор открыл ящик, вынул бумагу для сигарет, принялся скручивать косяк, дробя бутон пальцами и отрывая черенки. Он всегда говорил, что находит это устаревшее занятие успокаивающим, вот и не любит модных вапорайзеров⁶. Бабах поставил чашку и

⁶ Вапорайзер, или вайп – электрический прибор для курения.

блюде рядом с фотографией Штурманн-Тейлора и его второй жены, снял с полки книгу под названием «Минотавр».

– Осторожнее с корешком, не хватай книги за корешок.

Пользуясь тем, что стоит к Штурманн-Тейлору спиной, Бабах закатил глаза. Стал перелистывать страницы. Штурманн-Тейлор лизнул бумагу, скрепил сигарету. Поднес к косяку зажигалку, шелкнул, глубоко вдохнул и задержал дыхание.

Бабах, чтобы чем-нибудь себя занять, поставил на место «Минотавра» и взял книгу, на корешке которой было выведено «Голод». Открыл первую страницу. На титульном листе был рисунок чернилами, изображавший странное существо – получеловека, полуволка. Исхудалое, как труп, тело с выступающими ребрами и ввалившимся животом. Огромные черные зубы, с которых стекала кровь. Скрюченными когтями существо держало за длинные волосы оторванную голову женщины, тоже кровоточащую. Глазницы были пусты, часть скулы сворочена.

Он перевернул страницу, увидел стихотворение:

*На бесплодной земле души ничему не дано прорасти,
Ибо горько и холодно здесь, и низко солнце висит,
И убитый в ночи олень пробуждает вой в замороженном сердце
пустом.
И является голод, жестокий, с окровавленным ртом.
На бесплодной земле души чудовища требуют жертв...*

Бабах нахмурился, стал перелистывать страницы. Штурманн-Тейлор сделал еще несколько медленных вдохов, потом ухмыльнулся, как звезда экрана, которая нипочем не утратит своей звездности и сексапильности.

– Дерьмо, что надо. Мне надо еще. Много.

Бабах фыркнул.

– Боюсь, придется повременить немного. В городе новый коп. Уже и так ко мне прицепилась, что я привожу бухло. Дэмиен, сукин сын, продал его ребенку, который чуть не помер.

– Женщина?

– Единственный коп на весь Твин-Риверс. Черт знает, чего ее сюда понесло. Тут и без нее особо не развлечься. На нее, понятное дело, с самого начала все ополчились.

Бабах открыл книгу на середине, прочитал отрывок об охотниках в Пустоши, которым показывает дорогу индеец.

– Да это же здесь, – сказал он удивленно.

– Да, место действия здесь, время – далекое прошлое. Эти романы ужасов пишет в моем лагере один из первых и самых преданных гостей. Он приезжает сюда каждую зиму, чтобы отредактировать черновик написанного за год.

Бабах посмотрел на имя автора.

– Дракон Синовски?

– Псевдоним. Настоящее имя – Генри Спатт. Не так романтично и жутко, как Дракон, верно? – Он вновь затаился. – Ты бы его видел. В жизни не догадаешься, что в его голове творится. Хотя и убийцу не определишь по глазам. – Он выдохнул дым, указал косяком на книгу. – Больше миллиона экземпляров распродано по всему миру. Никого так быстро не раскупают. А эти маски над камином, – он указал на несколько ярко-красных деревянных масок с черно-белыми разинутыми ртами и пучками волос. Одна из них изображала двуглавую ворону с квадратным клювом длиной почти в человеческую руку. Волосы другой, судя по всему, были настоящими человеческими, – подарки от Генри. С западного побережья. Изображают различных мистических существ, склонных к каннибализму, которыми полны североамериканские легенды. Цоноква, например, или божество Хамаца, тайного общества каннибалов, жуткое

чудовище, имя которого невозможно выговорить – что-то вроде Бахбахвалануксиве. Интересная мифология, особенно в том плане, что жертвы сами к ней причастны. И, конечно, если они чудом выживают, сами становятся канныбалами. Напоминает вампиров, да?

Конопля развязала Штурманн-Тейлору язык.

– Угу, – равнодушно ответил Бабах, отодвинув книгу. Книги были не по его части.

Штурманн-Тейлор хохотнул – самовлюбленно, гортанно, заразительно; услышав этот звук, многие начинали улыбаться. Еще раз глубоко затянулся, закрыв глаза, стараясь как можно дольше задержать дым в легких. Расслабленно выдохнул.

– Точно не хочешь? – поинтересовался он, протянув косяк Бабаху.

– Не люблю дыма в легких с тех пор, как завязал с героином.

Штурманн-Тейлор посерьезнел. Несколько секунд смотрел Бабаху прямо в глаза. Огонь разгорался, бревна тлели, приятно потрескивая.

– Да, мне нравится, – сказал он наконец, – напоминает времена, когда я преподавал. Все лучшие девчонки были мои. Хочешь еще кофе?

Бабах посмотрел в окно. Носильщики уже закончили разгружать вещи.

– Мне надо до темноты успеть еще в одно место. До Йеллоунайфа и обратно. И завтра тоже. Надеюсь, успею до того, как начнутся бури. Уверен, мы тут застрянем на неделю, а то и две.

– Надо поговорить, – сказал Штурманн-Тейлор, закручивая докуренный косяк. Его голос изменился. Теперь это был деловой человек. – Мне может понадобится перевезти... скажем так, вещество поделикатнее.

Бабах почувствовал, как участился его пульс, но постарался сохранять внешнее спокойствие.

– Не вопрос. Когда будешь готов, ты знаешь, где меня искать. – Он поставил на поднос чашку и блюдо, побрел к двери. Штурманн-Тейлор хотел было его проводить, но Бабах его остановил:

– Не волнуйся. Я знаю дорогу.

Тем не менее из темноты за дверью выскочил «дворецкий» и дошел с ним до выхода. Потом он долго смотрел, как Бабах идет по заснеженной лужайке к самолету. Как-то Бабах зашел в тренажерный зал в лагере и увидел «дворецкого», колотившего грушу. Отрабатывает крав-мага⁷, подумал он.

Бабах завел самолет, доехал до края взлетной полосы. Когда «Зверюга» затряслась мелкой дрожью, он увидел, как Штурманн-Тейлор наблюдает за ним из окна библиотеки. Им овладело холодное спокойствие.

Придется совершить еще несколько полетов, прежде чем он сможет войти в высшее общество Штурманн-Тейлора. Но он уже сейчас чувствовал – победа близко.

И если он прав, главной наградой станут сырые алмазы, которые направятся на обработку в ВестМин, как только откроется шахта.

⁷ Прием рукопашного боя, разработанный в Израиле.

Глава 8

Проверив диктофон, Тана прикрепила микрофон к воротнику. Было проще давать показания устно, чем пытаться набросать их замерзшими пальцами. Потом все запишет. Было всего восемь пятнадцать утра, и солнце, как бледный лимон, накрытый стеклянной крышкой, пыталось пробиться из-за горизонта. Высоко подняться оно не смогло бы. Все сужаясь и сужаясь, арка к концу декабря становилась едва заметной.

Холодный ветер кружил по долине, скрипя и свистя в ледяных кристаллах, за ночь наросших на снегу. Бриз разогнал облака, и Тане удалось дозвониться по спутнику. Ей сообщили, что следователь вылетел несколько часов назад. Теперь нужно было записать показания.

Оставив Ван Блика ждать ее на утесе, она забралась на соседний. Отсюда место происшествия было видно как с высоты птичьего полета. В блеклом утреннем свете оно казалось сюрреальным.

Напротив нее, над головой Ван Блика, стоял инукшук. Эти каменные фигуры часто можно было увидеть в тундре. Одну руку ему обычно делали длиннее другой, и это подсказывало путешественникам, куда двигаться дальше, чтобы найти воду или горную тропу. Ничего странного. Тем не менее она решила его сфотографировать, просто на всякий случай. Потом сделала еще несколько снимков утеса, места происшествия сверху. Волки лежали в море красно-розового снега, по которому были разбросаны клочья мяса, кишок, одежды. Голова Селены.

Тела Аподаки и Санджита под брезентом, огороженные электрической изгородью, отсюда казались просто холмами. Она сфотографировала все это, проверила часы, настроила микрофон. Зафиксировала время и погодные условия, тот факт, что она здесь с Маркусом Ван Бликом. Кратко обрисовала, как они прибыли сюда, как убили волков, какие меры были приняты, чтобы защитить тела.

– Здесь пятеро мертвых волков, – сказала она. – Пятерых убили мы с Ван Бликом примерно в 11.40 вечера в воскресенье, четвертого ноября. Четверо, по словам Ван Блика, убиты им и наемным рабочим ВестМина по имени Тивак Кино днем в субботу. Когда я вечером субботы приехала в лагерь ВестМина, Кино на месте не было. Пилот компании «Арктический ветер» Хизер Макалистер обнаружила четырех волков, пожирающих жертвы, когда прибыла сюда в воскресенье около часа дня. Она предположила, что те же волки двигались на север вдоль побережья озера в пятницу утром, где их с самолета заметила команда.

Тана помолчала, затем добавила уже для себя:

– Макалистер также заметила красный вертолет «Аэростар» на другой стороне утеса в пятницу около полудня, до того, как началась буря. Она предположила, что он принадлежал пилоту Кэмерону О'Халлорану по прозвищу Бабах. – Она напомнила себе вернуться к этому вопросу. Потом некоторое время изучала место происшествия, пытаясь нарисовать картину произошедшего.

Она представила, как биологов высадили недалеко отсюда. Представила, как они идут в эту долину, как навстречу им движутся туман и снег. Отметила, что они не поставили палатку. Вновь включила микрофон.

– Нет никаких доказательств того, что жертвы готовились здесь заночевать. Это может означать, что нападение произошло днем в пятницу, второго ноября. Здесь много хищников, и они вполне могли появиться в светлое время суток.

Она сделала еще снимок, потом медленно спустилась с утеса. Остановилась у цепочки медвежьих следов, чуть присыпанных слоем свежее выпавшего снега. Большой медведь. Когти длиной с ее средний палец. Отпечатки вели непосредственно к месту убийства. Несколько следов шли поверх волчьих, другие перекрывались собачьими. Тана вряд ли смогла бы сказать,

какие животные пришли сюда первыми, тем более что слой снега запорошил тропу. Она измерила следы небольшой рулеткой, сфотографировала, как и отпечатки ботинок.

Сосредоточившись на работе, старательно фотографируя и записывая на диктофон все, что видит, она постепенно пробиралась к телам. Что-то заставило ее поднять глаза – чувство, будто за ней внимательно следят голодные глаза. Она перевела взгляд на утес, на Ван Блика.

Он смотрел на нее. Неподвижный, как каменная статуя. Волосы у нее на шее встали дыбом.

Он ее пугал. На примитивном, первобытном уровне. Несмотря на то, что она была благодарна ему за помощь. Без него она не добралась бы сюда. От бедных ребят не осталось бы вообще ничего.

Тана подошла ближе к телам, к тому месту, где ее стошнило. Ее захлестнула волна стыда. Это надо же так – оставить здесь свою ДНК. Сглотнув, она с отвращением сфотографировала все, что наделала, вспомнив слова инструктора – *фотографируй все, я имею в виду, вообще все, какие бы чувства у тебя оно ни вызывало. Что-нибудь совершенно незначительное может в итоге стать очень важным. В суде, например. Юристы зацепятся...*

Каркнул ворон. Тана подняла глаза вверх. Большая блестящая черная птица уселась на вытянутую руку инкушка, из клюва свисало что-то длинное. Тана достала из-за пояса бинокль, навела на птицу. Это оказалась бледная полоска мяса. Пока она пыталась рассмотреть птицу, воздух над долиной прорезал выстрел. Тана замерла от неожиданности. Птица взорвалась облаком перьев, мертвое тело упало на землю.

Тана опустила бинокль, сердце бешено колотилось. Ван Блик стоял у утеса, вскинув ружье.

– На хрена ты это сделал? – закричала она. Ван Блик медленно опустил винтовку, сел на скалу и уставился на Тану.

Пот ручьями побежал по ее телу. Она посмотрела на часы в надежде, что вот-вот услышит звук приближающегося самолета.

Перестань... он не собирался стрелять в полицейского... ты просто параноишь... Тана вновь занялась работой. Сфотографировала разорванную на куски шерстяную голубую шапочку с прилипшим к ткани зрачком, склонилась, чтобы разглядеть получше. К шерсти прилипли клочки кожи и длинные светло-рыжие пряди. Глаз и волосы Селены Аподаки. Тана обвела взглядом следы и отпечатки, которые казались разветвленной магистралью, дошла до холма под синим брезентом. Рядом с ним в красном снегу лежало ружье среди обрывков рюкзака, окровавленный ботинок, клочья одежды, пластик, отпугиватель медведей. Две разбитые канистры, измазанные черной жидкостью, разбрызганной по снегу.

Что с тобой случилось, девочка? Кто на тебя напал? Медведь? Или волки окружили тебя и рвали, когда ты пыталась их отпугнуть? Ты была еще жива, твое сердце колотилось, когда кровь окрашивала снег. Неужели они разрывали тебя, растаскивали твое тело, дрались за твою плоть, пока ты еще цеплялась за жизнь?

Тана сфотографировала ружье, потом внимательно рассмотрела. «Моссберг 500А» двенадцатого калибра. Один патрон в патроннике, два в магазине. Никаких признаков, что из ружья стреляли. Тана вспомнила прошлую ночь, оранжевые глаза, смотревшие на нее из тумана. Учитывая расстояние между ними и высоту, с которой на нее смотрели эти глаза, она была уверена, что перед ней был большой медведь. Если бы он решил броситься в атаку, она, вероятнее всего, не выжила бы, но перед смертью успела бы выстрелить. Так что же случилось здесь? Кто-то внезапно напал на биологов? Если бы сначала напали на безоружного, второй успел бы выстрелить, по крайней мере, в воздух. Может быть, на биолога, у которого было оружие, напали первым. Может быть, их парализовал страх.

Тана медленно повернулась, в душу просачивалось мрачное чувство. Волчьи следы в окровавленном снегу повсюду пересекались с отпечатками лап большого бурого медведя. И

обуви. Нужно было сфотографировать подошвы ботинок Ван Блика и Кино. И своих. И Аподаки. И Санджита.

Она повернулась к оторванной голове. На секунду закрыла глаза, постаралась справиться с собой. Сфотографировала голову, прежде чем изучить более досконально. Чуть выпрямилась, чтобы бронежилет под курткой не так сильно давил на живот.

Вновь включив микрофон, откашлялась и сказала:

– Голова изжевана, оторвана от тела жертвы. Она лежит в трех метрах от туловища. Лицом вниз. Шейный платок изорван, судя по всему, часть позвоночника вырвана, – она вновь прокашлялась, – часть кожи с затылка содрана, виден значительный перелом черепа. Длинные волосы все в крови и, судя по всему, кусках внутренних органов. Волосы светло-рыжие, сильно выются. – Тана повернула голову Селены рукой в перчатке и чуть не отскочила. Дыхание участилось. – По щеке вниз идут четыре глубоких симметричных разрыва или царапины. Похоже на следы когтей. Правая щека... съедена, левая скула сворочена. Правая... – Она осеклась, вытерла лоб тыльной стороной рукава. Зубы скалились, как гримаса скелета, в которой не было ничего живого, человеческого. – Правая надбровная дуга вмята, оба глаза отсутствуют.

Только черные, кровавые глазницы.

Тана смотрела на то, что совсем недавно было головой Селены, а теперь безо всякого выражения уставилось в перламутровое небо. Это пугало. Мы запрограммированы природой, чтобы наше лицо реагировало на эмоции другого, думала Тана. Улыбка должна быть заразной. Печаль в глазах собеседника мы ощущаем физически. Видя, как кто-то плачет, можем расплакаться сами. Без мягких губ, без выражения глаз, без выражения лица то, что делало Селену Аподака человеком, исчезло. Тана подумала о родителях жертвы. О семье. Друзьях. Все лицо напряглось. Она отвернулась и глубоко втянула воздух, радуясь резкому ветру, позволявшему дышать, не вдыхая запах мяса.

Собравшись с духом, Тана подошла к электроизгороди у тела Раджа Санджита. Сфотографировав покрытый снегом брезент, отключила генератор и перелезла через изгородь. Откинула брезент, и ее снова захлестнул ужас.

Голод

На бесплодной земле души чудовища требуют жертв...

Окровавленными пальцами Читатель гладит, так нежно, напечатанные на бумаге слова стихотворения, открывающего «Голод». Ночь. Свечи горят по обеим сторонам новой банки, где в красной жидкости плавает свежий глаз. Это был такой прекрасный глаз, когда еще был живым. Болотно-зеленый.

Огонь пылает в печи. Комната – как пещера, темная парная. Жаркая.

Читатель обнажен. Читатель сыт.

В животе Читателя жареное сердце. Лакомство.

Сегодня день рождения Читателя, второе ноября. Время радовать себя. Время соблазнов. Когда наступает зима... как прекрасно, что Боги Природы в этот самый день решили начать новый сезон. Обычно это случалось приблизительно в то время. Около того дня, когда Читатель был рожден, вырван из материнской матки, уничтожив то, что его породило. Жизнь и смерть. Рука об руку. Инь и Ян...

Глава 9

Затуманенные глаза Раджа Санджита рассеянно смотрели на Тану. Половина его лица была съедена, как и часть руки. Возле бедра лежал кусок левой ладони. Ключья одежды пополам с лоскутами кожи валялись рядом. Один ботинок пропал. Мягкие и питательные внутренние органы сожрали животные. Тана окинула взглядом петлю кишок, сбегавшую вдоль тела. Она знала – в дикой природе, особенно на летней жаре, труп дольше сохраняется, если падальщики съедят кишки и желудок. Именно там в первую очередь поселяются бактерии.

Симметричные разрывы, похожие на следы когтей, шли по затылку и вдоль бедер Санджита. Тана включила микрофон.

– Хищники сильно обглодали тела жертв, – сказала она, – и на основании этого можно предположить, что биологи были убиты в пятницу днем. Очевидно, кто-то достаточно долго поедал их.

Она описала все, что видит, сделала еще несколько фотографий, заметила следы черной субстанции на теле. Направилась к канистрам, желая рассмотреть, и едва успела зажать рукой нос и рот, как ее вновь стошнило. Субстанция оказалась приманкой для животных, воняющей тухлой рыбой и неизвестно чем еще.

Тана вновь попыталась представить себе сцену нападения. Эти двое работали с вонючей гадостью, судя по всему, приманивали ею медведей. Возможно, привлекли внимание гризли, который на них напал. А может быть, волков, привыкших ассоциировать людей с пищей.

Волки могли осмелеть... сами выйти на биологов...

Прежде чем подойти к обезглавленному телу Аподаки, Тана как следует изучила содержимое рюкзаков. Между ними лежала палатка и пачки, разорванные в поисках орехов и мюсли. В них – одежда. Бутылки из-под воды. Маленькая портативная пропановая горелка с кастрюлей. Две кружки. Несколько блюд быстрого приготовления. Ноутбуки, GPS-навигатор, спутниковый коммуникатор. Радио. Бальзам для губ розового цвета. Тана вздохнула при мысли о юной девушке, взявшей его с собой в дикую природу. Нашлись и отпугиватель медведей, и ракетницы. Но ничего не помогло.

Возле рюкзаков Тана обнаружила скрученную колючую проволоку и мешки, как оказалось, с медвежьей шерстью, на которых было написано место нахождения.

Сфотографировав все это, Тана направилась к телу Селены Аподаки, накрытому брезентом.

Первые лучи осветили утес. Они не принесли тепла, но солнцу Тана обрадовалась куда больше, чем ожидала.

Перешагнув электрическую проволоку, она сфотографировала тело. Из-под брезента торчала рука. На запястье блестел серебряный браслет, украшенный орлом из нефрита.

Тана знала, кто ювелир. Это была работа жителя Твин-Риверса, Джейми Удава. Приехав в город, она сразу же заметила украшения на прилавке между главным магазином и столовой. Поймав ее взгляд, старая Марси Делла с гордостью сообщила, что с недавних пор они продаются в Йеллоунайфе, Калгари и Эдмонтоне. Американские туристы могли приобрести их в портовом городе Ванкувере, где большие круизные корабли ожидают отправки на Аляску.

Сфотографировав браслет, Тана осторожно сняла его с запястья. Заляпанная кровью надпись с внутренней стороны гласила: «Селене с любовью от Д.У».

Д.У. могло значить «Джейми Удав». Тана перевела взгляд на труп. Может быть, у Джейми и Селены был роман? Сердце Таны сжалось. Нужно было поговорить с Джейми, сообщить ему новость, прежде чем она дойдет до него, изменившись до неузнаваемости.

Тана осторожно приподняла брезент. Дыхание перехватило, желудок съежился в клубок.

Обезглавленное тело Селены Аподаки было так сильно обглодано, что почти не напоминало человеческое.

Часть живота была полностью съедена, как и лобок. Бедра изорваны и изжеваны. С ребер содрана кожа. Остался кусок легкого.

Сердца не было.

Тана согнулась пополам – желудок опять скрутило. Слава богу, он оказался пуст – она ничего не пила и не ела. Все лицо покрылось испариной, живот свело новым спазмом. Она вдохнула немного воздуха, стараясь взять себя в руки, ожидая, когда Ван Блик спросит, все ли с ней в порядке, просто чтобы показать – он видит ее старания.

Но он, к его чести, молчал.

Медленно выдохнув, Тана выпрямилась, стала рассматривать тело, точнее, то, что от него осталось. Включила микрофон, описала все, что видит.

– На теле видны симметричные следы когтей. Это может означать скорее жестокое нападение медведя, чем тот факт, что медведь просто обглодал тела. Это может означать, что жертвы боролись за жизнь. Вероятно, медведь выследил их, застал врасплох и убил, а потом волки, привлеченные запахом крови, отогнали его. – Такое описание сильно выходило за рамки протокола, но и черт с ним. Среди документации, с которой она работала, не было образца для таких случаев. Она не училась на детектива. У нее был очень небольшой опыт. Она была всего лишь первым свидетелем и изо всех сил старалась как можно лучше справиться со своей задачей. Она знала – если медведь нападает на двоих, он сперва атакует первую жертву, а вторая, как правило, пытается отпугнуть животное. Может быть и такое, что он сперва расправится с тем, или с той, кто ему досаждают, а потом вновь вернется к первой жертве.

Возможно, сначала напали на того, кто был вооружен. Второй попытался ему помочь, но ружья не имел...

Размышления Таны прервал шум в небе, который становился все громче. Сердце подпрыгнуло. Вертолет. Следовательно прилетел. Слава богу! Теперь этот случай будут разбирать как следует. Останки отправят в Эдмонтон на вскрытие. Трупы волков – в сообщество живой природы с той же самой целью. Какое облегчение! Ее работа выполнена.

Повернувшись, чтобы помахать рукой вертолету, Тана краем глаза заметила нечто странное.

Склонилась.

Кость. Лежавшая под телом Селены Аподаки. Полностью лишенная кожи и мяса. Пористая и белая, лишь немного запятнанная кровью.

Что за...

Тана быстро сфотографировала кость, осторожно повернула тело. Под ним обнаружили еще. Старые, очень старые кости. Не имеющие с произошедшим ничего общего.

Гул вертолета усилился.

Тана рассматривала фотографии. Кости, судя по всему, были человеческими. Бедренная, берцовая. Часть таза? Вот блин. Получается, этих биологов убили там, где кто-то умер до них?

Воздух над долиной дрожал от шума мотора, и после ночи, проведенной среди абсолютной дикости, в темноте и холоде, он казался самым желанным, самым радостным звуком в мире.

Тана быстро направилась к горному хребту, но внезапно остановилась неподалеку от убитых. У ее ног лежал мертвый волк, серый в крапинку. Волчица. Отвисший живот, разбухшие соски. Мать. Недавно родившая. Тана не могла отвести от нее взгляд. Где-то в норе маленькие волчата ждут, когда придет домой их мама. Которую она убила. Горло Таны сжалось, все тело напряглось от боли и отчаянного желания выжить ради своего ребенка вопреки всему, что пошло не так, что выжгло ей душу.

Тяжело дыша, слыша, как в висках стучит кровь от неясной ярости, она взобралась на край склона, пересекла утес, заслонила глаза от вспышки низко нависшего солнца. Красная птица, железная, сияющая, блеснула поликарбонатным лобовым стеклом. Тана разглядела за штурвалом пилота в шлеме и очках-авиаторах, помахала рукой, сперва медленно, потом, пригнувшись, все быстрее и быстрее. Пилот аккуратно посадил самолет на утес, мотор затих.

Дверь открылась, и в сахарную корку снега выпрыгнула женщина в длинном пальто с меховой оторочкой и логотипом следственного комитета. За ней вышли два парня – помощники, догадалась Тана.

– Констебль Ларссон, – сказала она, шагнув вперед. – Спасибо, что приехали так быстро.

Глава 10

Уже совсем стемнело, когда Тана и Маркус Ван Блик вернулись в лагерь. Измученная, умирающая от голода, Тана припарковала внедорожник у ангара, рядом бросила вещи. Гарри Бландт выбежал им навстречу.

– Ну как оно, как оно? – поинтересовался он, забирая у нее сумку. – Вы, наверно, есть хотите. Повар вон там, в большой юрте. У меня есть рагу. И кофе.

– Слона бы съела, – сказала Тана. – Только не говорите, что рагу из лося.

– Из лося, – подтвердил он. – Конечно, из лося, конечно.

Неожиданно для себя она рассмеялась и ощутила к этому забавному человечку нечто вроде симпатии.

– Вот сюда, вот сюда, – приговаривал он, спеша вперед. Тана подумала, что у него только два режима – спящий и на полную мощность. Как у Тойона, когда он был щенком. Забросив на плечо рюкзак и оружие, она окинула взглядом Ван Блика, слезавшего с внедорожника.

– Идешь с нами?

– Нет.

Она помедлила, потом сказала:

– Спасибо.

Он фыркнул.

– Если опять кого-нибудь убьют, я к вашим услугам, констебль.

Некоторое время она смотрела ему в глаза, несмотря на беспокойство, потом повернулась и побрела за Бландтом. Небо было жутковатого жемчужно-синего цвета, каким бывает только северное ночное небо. На горизонте мягко переливалось желто-зеленое сияние. При ходьбе болью сводило ноги, поясницу ломило так, будто по ней ударили молотком. Голова раскалывалась.

– Ваш пилот улетел, – сказал Бландт, – но Хизер еще тут. Думаю, она уже протрезвела. Ну, если вы не хотите ночевать в лагере...

Тана приподняла бровь.

– Хочу. Мне нужны ее показания, и ваши тоже. Ван Блик уже дал. – Кроме того, она сфотографировала отпечатки его ботинок. – И с Тиваком Кино надо поговорить.

Бландт остановился посреди дороги.

– Зачем? Это просто, ну, несчастный случай. Ничего тут нет криминального, верно?

– Я должна написать рапорт, – ответила она. – Стандартная процедура в случае, если смерть произошла в любых обстоятельствах, кроме как в больнице. Судебная экспертиза будет позже. Кроме того, нужно сделать выводы и принять меры, чтобы подобные нападения больше не повторялись.

– Хмм, – только и ответил он и продолжил крабьими скачками продвигаться к юрте. Круглая палатка была поставлена на деревянный помост на случай плотного снега. Из железной трубы, привинченной на верхушке юрты, валил дым. Тана почуяла запах пищи, в животе заурчало.

– А где сейчас Хизер? – спросила она.

– В одной из палаток. Спит. Пойду разбужу и приведу сюда.

– У нее запой?

– Можно и так сказать.

– И часто с ней это случается?

– Все, что вы хотите узнать о Хизер, спрашивайте у нее. – Бландт ловко запрыгнул на деревянный помост, распахнул дверь. Тана последовала за ним.

– Ваш шеф-повар не поехал со всей компанией в Йеллоунайф? – спросила она.

– Повар-то? – Бландт фыркнул. – Этот человек думает, он их на голову выше. Не пьет. Это главная проблема. Любитель мистики и всякой такой белиберды. Но готовить может, тут я за него ручаюсь. И не подведет, даже если дела пойдут совсем плохи. А это бывает сплошь и рядом – возьмите ребят, засидевшихся в глуши, и прибавьте к ним старый добрый алкоголь. У него отличный хук слева, у этого индейца.

Бландт открыл дверь. Навстречу Тана поднялось теплое облако пара.

– Заходите. – Он положил ее сумку возле двери. – Пойду растолкаю Хизер. Когда поедите и возьмете интервью, приходите ко мне.

В помещении было жарко, на плите невиданных размеров дымились горшки. Положив вещи на деревянный пол у двери, Тана сняла куртку. Ей нужно было принять душ. Но в первую очередь – поесть и промочить горло.

Перед ней стоял человек ростом под метр девяносто и что-то помешивал в горшке. Длинные тонкие черные волосы доходили до середины поварского халата.

– Эй, – позвала Тана.

Он повернулся. Широкое лицо. Рябое, красно-коричневое. Черные глаза. Эти глаза изучали ее. Индеец молчал. Горшок за его спиной шумно пытел.

– Констебль, – наконец сказал он, вытирая руки о фартук.

– Тана Ларссон, – представилась она и улыбнулась. Эта улыбка показалась ей жалкой. Вся она казалась себе жалкой.

Он продолжал молча ее разглядывать. Она отметила свежий порез и синяк на челюсти, стертые костяшки пальцев.

– Гарри Бландт сказал, здесь я могу выпить кофе и чего-нибудь съесть, – сказала она.

– Грею лосиное рагу. Кофе в чайнике. Вы, наверно, замерзли. Вас долго не было. Садитесь, я принесу еду.

С облегчением опустившись на стул, она пододвинула его поближе к плите.

– Все, что дадите, будет просто прекрасно.

Он достал с полки миску, вновь принялся помешивать рагу. Пар клубился. Она разглядывала его руки, думая, с кем он мог вступить в драку.

– Вам не хотелось в Йеллоунайф? Со всеми вместе?

Повар поставил перед ней дымящуюся миску и чашку кофе, положил ложку.

– Сахар и сливки на столе. Нет, я такое не люблю. Просто большая попойка. Завязал я с этим делом. – Он помолчал. – Дерьмо какое вся эта история с волками.

– Угу. – Тана села поудобнее, поправила жилет, чтобы не так давил. Положила в рот ложку, на секунду закрыла глаза, наслаждаясь ощущением наполняющего тепла. Потом подняла глаза и сказала: – Срань господня, да это же охренительно!

– Просто лосиное рагу.

– Совсем не похоже на то, что я готовлю.

Он ухмыльнулся, и вид у него стал еще более пугающим.

– Как мне вас называть? – спросила она, проглотив еще ложку.

– Индеец, – ответил он серьезно.

– Ну а имя у вас есть?

– Большой Индеец. Это мое имя.

Тана медленно жевала, не сводя с него глаз.

– По документам?

– Да.

– Что ж, у ваших родителей неплохое чувство юмора.

– Я сменил имя.

– А раньше как вас звали?

– Не хочу говорить об этом имени. Оно принадлежало другому человеку. Прежнему мне. Это, – он ткнул в свою внушительную грудь всеми десятью пальцами, – новый я. Большой Индеец.

– Ну ладно. Буду называть вас Большой, или Индеец – как вам больше нравится?

– Все равно. – Он снова встал у плиты, стал складывать в ведро мусор, обрезки, кости. – Хоть как.

Она посмотрела на мусорное ведро.

– Куда это денете?

– На свалку.

– Она огорожена?

– Нет.

– Значит, дикие животные...

– Да, роются в помойке.

– И волки тоже?

Он внезапно повернулся и посмотрел ей в глаза. Во взгляде ощущалось напряжение. Все пространство юрты как будто сжалось. Ложка замерла между миской и ртом Таны.

– Н-да, – медленно и тихо произнес он. – Волки. Медведи. Койоты. Лисы. Хорьки. Орлы. Все эти благородные создания питаются мусором, который выбрасываем мы. Этих четверых волков и так подкармливали. Прошлым летом, когда мы иногда ели на улице, когда мошкары поменьше было, им чуть не с рук объедки давали. А по ночам животные пробирались к палаткам, хотели еще.

– И вы считаете, это те же волки, что напали на биологов? – Тана и думать забыла про еду.

– У-гу.

– Почему вам так кажется?

– По рассказам Тивака. По описанию подходят. К тому же им случалось кусать людей.

Она опустила ложку.

– Когда?

– Где-то неделю назад. Двое ребят Гарри пошли посмотреть на обломки самолета у взлетной полосы, возле свалки. Уже темнело. Волки вышли из-за деревьев и окружили их. Большой черный зверь пошел на одного парня. Тот его пнул, волк порычал, поворчал да и отошел, но тут другие стали подбираться, пытались укусить их, словно проверяли, легкая ли добыча. Ребята отбивались сломанными ветками, кидались камнями. Потом после нескольких стаканов виски решили, что все это забавное приключение. – Он открыл газовый холодильник, вынул кусок красного мяса, плюхнул на доску. Достал нож, кончик направил на Тану. – А волки, может быть, и увязались за несчастными биологами. Начать с того, что они пахли приманкой. И, наверное, животные обошлись с ними как с пилотами разбитого самолета. Только еще суровее.

Тана вспомнила глубокие отметины на телах погибших, напоминавшие следы когтей. Медвежьих? Она не знала.

Он стал отрезать от куска мяса кусок поменьше.

– Больше похоже на тот случай, когда двух девчонок убили. Такое же дерьмо. Опять повторяется.

– Каких девчонок?

Нарезав мясо кубиками, он бросил их в кастрюлю.

– Три или четыре года назад. Сначала дочку полицейского. Загрызли до смерти в долине Росомахи.

– Какого полицейского?

– Эллиота Новака.

Ее пульс участился.

– Волки?

– Может, волки, а может, и медведи. Никто не понял точно. Может, кто-нибудь еще. Но волки и медведи ее объели. Когда подстрелили самку гризли и двух волков, у них в животах нашли куски человеческого мяса. Голову девчонке начисто оторвали.

Тана похолодела. Он стал отрезать еще один кусок мяса.

– А что именно произошло?

– Подробностей не знаю. Никто не знает. Эллиот поехал на рыбалку в выходной, взял с собой дочку, Реган. Было начало ноября. Ночью Реган зачем-то вышла на улицу. Отец нашел тело только утром. Волки рвали его в лесу, чуть выше того места, где стояла палатка. Он ничего не слышал.

В голове Таны всплыли слова Розали. *Он по-прежнему здесь, в лесах. Совсем спятил. С белыми копами всегда так. Это место лишает их рассудка.*

Господи Иисусе, так вот что с ним случилось? Его дочь сожрали волки?

– Вы сказали, девушек было двое.

– Вторая погибла в прошлом году. Тоже когда снег только выпал – в первую неделю ноября. Дакота Смитерс. Ей было всего четырнадцать. – Он говорил и одновременно нарезал мясо. Тана чувствовала его запах. Отодвинула миску. Аппетит пропал без следа. – Дакота вместе с классом поехала на природу. В школе Твин-Риверса проводятся такие вылазки, чтобы дети не теряли связи со своими корнями. И вот как-то днем Дакота и еще несколько ребят поехали кататься в собачьих упряжках. Она отстала от группы, навис туман. Собаки прибежали без нее. Нашли три дня спустя. Объединную волками, медведями, еще какими-то хищниками. Но неизвестно, кто именно ее убил.

Тане стало плохо.

– Значит, это не те же волки, которые...

– Нет, я же вам сказал. Тех волков и медведицу, что ели Реган, убили сотрудники из охраны дикой природы. У животных в желудке обнаружили ее ДНК, – он вновь направил на нее окровавленный нож. – Так вот, у Эллиота на этом совсем крыша поехала. Он решил, что кто-то убил его ребенка и бросил в лесу на съедение животным. Принялся убеждать маму Дакоты, Дженни, что ее дочь убил тот же человек. Совершенно с катушек съехал. Искал какое-то чудовище, когда вокруг была только дикая природа. Жена его бросила. Потом он в лес ушел.

– И теперь все еще здесь? – спросила она.

– Угу.

– Вы уверены?

– Ну, мне так сказали.

– Кто?

Он пожал плечами.

– Многие говорят.

– И где же он?

– В нехорошем краю. Никто из города туда не ходит. – Поймав взгляд Таны, он замолчал. У нее возникло странное ощущение, будто он напряженно проталкивает свои мысли ей в голову. Ее поразило нелепое чувство, будто мир деформируется, будто все это место куда-то сдвинулось. В другой мир. Где действуют иные законы физики и логики. Ей нужно было выпастся. Очень.

Дверь внезапно распахнулась, впуслав ледяную метель. Тана подпрыгнула.

– Простите за беспокойство, – сказала Макалистер, отряхивая ботинки и закрывая за собой дверь. Несмотря на темноту, она была в солнечных очках. Почувствовав напряжение, спросила тише: – Я чему-то помешала?

Глава 11

Налив себе кофе, Хизер села напротив Таны.

– Что, опять Большой Индеец морочит голову? – спросила она, размешивая сахар и сливки. Сдвинула на лоб очки, продемонстрировав вздувшийся синяк под глазом.

– Плохо провели ночь? – спросила Тана.

– Да уж, думаю, вряд ли хуже вас. Что вам рассказать-то? – Вцепившись в кружку обеими руками, она сделала огромный глоток.

– Что случилось с вашим глазом?

– Такое бывает, когда ужрешься в сопли и не можешь держаться на ногах. – Она пристально посмотрела Тане в глаза, ожидая от полицейского осуждения. Потом улыбнулась. Налитые кровью глаза загорелись – даже в таком состоянии она была красива. – С вами не случилось, констебль, что вы просто хотели отключить мозг? Не делали никаких глупостей?

Вспыхнуло воспоминание, вслед за ним – стыд. Тана отхлебнула кофе и сказала:

– Я так понимаю, сегодня вы меня домой не отвезете.

– Господи, да я в порядке. – Макалистер сделала еще глоток, откинулась на стуле, опять улыбнулась и показала Тане почти нормальной. – Я хорошо натренирована. Мы рискованные ребята. Нам есть чем заняться долгими зимними вечерами. Отвезу вас домой, как только вы тут закончите с отчетом. Небо ясное. Много времени это не займет. К тому же мне надо вернуться на базу. Я задержалась лишь потому, что вы меня попросили. Так что вы хотите?

Тана вынула из кармана блокнот и ручку, открыла новую страницу.

– Напомните дату и время, когда вы отвезли Селену Аподаку и Раджа Санджита в Твин-Риверс.

Макалистер вновь рассказала, как было дело в пятницу, когда она рано утром забрала обе команды, по какому маршруту летела, как спустилась к лагерю, как заметила у озера волков – в общем, повторила многое из того, о чем уже говорила Тане в ту ночь, когда они встретились. Тана записывала, а Большой Индеец слушал, помешивая варево в горшке.

– Что вы делали после того, как отвезли на место другую команду?

– Полетела назад в Твин-Риверс за строителями ледяной дороги. Гидроребятами. А потом погода испортилась.

– В субботу вы целый день не могли никуда вылететь, верно?

– Могла, но, конечно, не в Долину Безголовых. Туман над озером был как слой супа в миске утесов. Прояснилось только в воскресенье к обеду. И то ненадолго, но ветер сменился, а когда он меняется, туман над Ледяным озером чуть рассеивается, ну я и решила попробовать. Сначала забрала Дина и Веронику с собаками. Они остановились чуть выше у реки. Потом мы все вместе полетели к стоянке Селены и Раджа. Их там не оказалось. Как я уже сказала, мы пытались связаться с ними по радио и отправляли сообщения, но ответа не получили. Поэтому я полетела чуть дальше, туда, где они могли работать, и... – она закашлялась, – вот тогда мы и увидели, как их жрут волки.

Хизер вытерла рот. Рука чуть заметно дрожала.

– Я слышала, вы говорили, что заметили красный вертолет на другой стороне утеса. В пятницу, прежде чем испортилась погода.

Кружка замерла на полпути ко рту Хизер. Женщина медленно поставила ее на стол, сжала обеими руками. Взгляд наполнился усталостью.

– Да, – сказала она наконец. – Красный «АэроСтар». Маленький, двухместный – двое с трудом протиснутся. Покупаешь детали, потом сам собираешь. Поставляет «Балкан»⁸. Я себе тоже приобрела.

– Вы знаете, чей это был вертолет?

Она облизнула губы.

– Нет.

Тана подняла глаза.

– Здесь таких много?

– На нем мог прилететь кто угодно. Охотники-нелегалы, охотники за бриллиантами, инженеры, геологи. Кто угодно.

– А из местных, из тех, кого вы знаете, у кого-нибудь такой есть?

Ее лицо напряглось.

– У Бабаха.

Большой Индеец внезапно посмотрел на нее.

– Но это не его вертолет, – добавила Макалистер.

– Откуда вы знаете?

– Он так сказал. – Помолчав, она добавила: – Слушайте, зачем вам эта информация? Какое отношение она имеет к бедным ребятам?

– Может быть, пилот видел что-нибудь, что могло бы помочь следствию.

Она медленно кивнула.

– Но... это явно не криминальное расследование.

Тана закрыла блокнот.

– Такова стандартная процедура в случае, если полицейским требуется отчет о подобном событии. Спасибо. Вы еще будете здесь, когда я поговорю с Бландтом?

– Конечно. – Она допила кофе, взяла пачку сигарет, которую перед тем положила на стол, и поднялась на ноги. – Я подожду вас в ангаре.

Тана вновь натянула куртку. Когда она вышла, высоко в небе разгорался рассвет.

⁸ Авиакомпания «Балканские авиалинии».

Глава 12

Тана едва успела вернуться в Твин-Риверс и кормила собак, когда раздался звонок – драка в «Красном лосе». Завела грузовик, любезно предоставленный полицией и мерзнувший на парковке, нажала на газ и понеслась, скользя по зимней дороге, к салуну в старомодном стиле. Отключила сирену, мигалку оставила. Распахнула дверь машины. Ее тут же оглушила громкая музыка и рев.

– Сидите тут, – сказала она собакам и рванула к лестнице, на всякий случай сжав в руке оружие.

Верхушки сосен качались и кружились на ветру. Небо пылало северным сиянием.

Перешагивая сразу через две деревянные ступени, Тана поднялась к двустворчатым дверям, и они тут же распахнулись ей навстречу. На нее налетел мужчина, который пятился назад, раскинув руки, как ветряная мельница. Он изо всех сил старался удержать баланс и все равно скатился с лестницы. Обойдя его, Тана протиснулась в двери.

– Ух ты, будет жарко, – сказал кто-то, вломившись вслед за ней. – Даже копы притащились.

Внутри было жарко. Пахло кислым потом, как в раздевалке, еще – разлитым пивом и вином. Музыка грохотала. Глаза не сразу привыкли к свету. Стены салуна были обиты черным деревом, полумрак освещала неоновая-красная фигура лося.

Дрались у барной стойки. Один молодой, крепкий парень повалил на пол другого, который пытался отбиться. Вокруг собралась вопящая толпа. Кто-то запустил стулом в зеркало за стойкой. Стекло брызнуло во все стороны, раздался женский визг.

О господи, как она собирается это уладить?

Чувствуя, как колотится сердце, Тана с трудом пробилась сквозь толпу. Мимо пролетел еще один стул. Под ногами захрустели осколки, пол был липким от алкоголя.

– Пропустите, полиция.

Никто, судя по всему, ее не услышал.

– Полиция! – закричала она во весь голос. – Пропустите!

Подойдя ближе, смогла рассмотреть дерущихся. Длинные черные волосы того, кто явно брал верх, рассыпались по плечам, глаза были бешеными, по лбу стекал пот. Джейми Удав, сделавший браслет, который был на Селене, когда она погибла. Как безумный, он молотил кулаками Калеба Петерса, сына главы индейского клана. Из раны на лбу Удава струилась кровь, Петерс пытался защититься, двое ребят оттащивали от него Удава. По бару летали стаканы, женщина визжала, бармен ревел, размахивая бейсбольной битой, которую, судя по выражению его багрового лица, мог в любой момент пустить в ход. Стулья ломались. Кто-то лежал на полу. Споткнувшись о распростертое тело, Тана рухнула, к счастью, успев выставить руки вперед. В левую ладонь вонзился осколок. Почти поднявшись, она поскользнулась на луже пива, выругавшись, встала на четвереньки, потом кое-как – на ноги, протиснулась поближе. Несколько человек скандировали: «Бей! Бей! Бей! Бей!»

Она услышала хруст, какой бывает при слишком близком контакте кулака и хряща. Вне себя от адреналина, схватила Удава за воротник. Он, обернувшись, ударил ее справа. Кулак своротил ей скулу прежде, чем она уловила его движение. Боль на миг ослепила, в мозгу взорвались световые вспышки, удар эхом отдался в черепе. Ощущая вкус крови, стекающей из ноздри, она крепче сжала оружие, вскинула на плечо.

– Полиция! Всем стоять! Ни с места! Выключите музыку! – кричала она на бармена, но тот не слышал. Мужчина с густой бородой сжимал Удава мертвой хваткой. Тот яростно лягался, его лицо налилось кровью. Все новые и новые стулья падали на пол под ударами его

ног, за которые его в конце концов кто-то схватил. Тогда Удав заскулил. Слюна пенилась на губах, брызгала на подбородок.

– Он сейчас задохнется! Отпустите его! – закричала женщина.

Проталкивая себе путь, Тана копалась в сумке в поисках газового баллончика, но не успела она нажать, раздался взрыв. Звук был таким, что заложило уши, барабанные перепонки, казалось, лопнули. Глаза заслезились.

От внезапного потрясения все разом замолчали. С потолка, где болтался канделябр, украшенный оленьими рогами, посыпалась пыль и обломки дерева.

– Да выключите же музыку! – завопила Тана, тыча пальцем в бармена. Сердце колотилось как бешеное. Она обернулась, желая увидеть, откуда раздался звук.

В дверном проеме, крепко сжимая ружье, прицелившись, сузив глаза, стоял О'Халлоран.

– Опусти оружие, – попросила Тана. Ее трясло, по щеке стекала кровь. Все молчали и смотрели на них, лишь Удав продолжал сдавленно мычать и колотить ногами по барной стойке.

– Вы слышали, что говорит констебль, – сказал О'Халлоран. – Расходимся. Вечеринка окончена. – Он не сводил с них курка.

Тана молчала. Она не доверяла О'Халлорану. Мысли метались. Гражданская безопасность – превыше всего. Удав нуждается в медицинском осмотре, и нужно как можно скорее вытащить его отсюда. Сглотнув, она какое-то время смотрела на О'Халлорана, взглядом как бы прося его остаться, потом направилась к Удаву, по пути доставая наручники.

Когда она пыталась защелкнуть один из них на запястье Удава, он отбросил ее с невиданной, сверхчеловеческой силой. Как блоха, она отлетела назад, к стене. Удар выбил весь воздух из легких, и на секунду она потеряла способность двигаться.

Согнувшись пополам, Удав, как бык, попер на Тану. Она схватилась за дубинку, развернулась в попытке защитить живот, и мощное плечо Удава ударило ей в бок. Она охнула и обрушила дубинку ему на плечи. Удав пошатнулся и шлепнулся на четвереньки посреди осколков, задыхаясь, пытаясь отдышаться; изо рта стекала слюна. Она схватила его за волосы, потянула вниз, руку скрутила за спиной. Крепко прижимая его к полу коленом, схватила за другую руку и, по-прежнему придавливая его голову к полу, застегнула наручники. Тяжело дыша, прошептала в самое ухо:

– Джейми, ты меня слышишь?

Он судорожно глотал воздух.

– Послушай меня, Джейми. Соберись. – Она щелкнула пальцами у него перед глазами. – Я не хочу сделать тебе больно. Не хочу, чтобы кто-то сделал тебе больно. Да, я знаю про Селену. Знаю, как тебе плохо. Джейми...

Услышав имя Селены, он замер.

– Джейми, ты меня слышишь? Кивни, если слышишь.

Он едва заметно кивнул и вдруг заплакал.

– Я констебль Ларссон. Я сегодня видела Селену и Раджа. Я хотела найти тебя, поговорить с тобой. Я понимаю. Конечно, тебе очень больно. Конечно, ты ненавидишь весь мир за то, что это произошло. Но я хочу помочь тебе справиться. Ты меня слышишь, Джейми?

Он кивнул.

– Ты пойдешь со мной. Я отведу тебя туда, где ты сможешь выспаться. Попрошу кого-нибудь приглядеть за тобой, окей?

Теперь он бурно рыдал. Напряженные стальные мышцы вдруг расслабились.

Она слезла с него, помогла подняться на ноги. Ее трясло. Адреналин зашкаливал.

– Пойдем в мой грузовик, окей? Там хорошо и тепло. Понимаешь?

Тана подталкивала его к двери. Люди молча расступались и смотрели на нее. Какой-то тип у бильярдного стола присвистнул, другие рассмеялись. Она знала – ее осуждают. Прове-

ряют на прочность. Она знала, что совершила ошибку, в одиночку ввязавшись в такую заваруху. Но, черт возьми, что это за хрень...

В дверном проеме, перекрыв ей путь, стоял О'Халлоран. Он смотрел ей прямо в глаза, и его губы понемногу расплывались в ухмылке.

– Неплохо, констебль.

– Убери эту гадость, ясно? – сказала она.

– Это вместо спасибо?

– Я и без тебя неплохо справлялась.

– Да ты что?

Она протолкнула Удава вперед, как таран, вытолкала из дверей, вслед за ним вышла на улицу. Холодный воздух был свеж и приятен, собаки повизгивали и скулили в кабине грузовика.

Внезапно Удав вырвался и побежал. Она помчалась за ним, поскользываясь на льду, собаки лаяли как безумные. Максимус выпрыгнул из кабины и ломанулся за Удавом, догнал, вцепился зубами в ногу; Тана, подоспев, схватила его за плечо.

Удав пытался стряхнуть Макса, но тот только ворчал и крепче сжимал челюсти.

– Сраная собака! Уберите от меня сраную собаку!

– Тихо, тихо. Послушай меня. Я хочу тебе помочь, Джейми.

– Уберите от меня сраных волков. Сраные волки... – Он снова начал всхлипывать, и Тана поняла, что его рассудок помутился не только от горя и алкоголя. Подтолкнула его к трактору. Вывеска над баром все еще пульсировала в ночном небе красно-синим, окрашивая снег яркими тонами. Раскрыв дверь кабины, она положила ладонь Удаву на макушку.

– Пригнись, чтоб не удариться. Забирайся.

Здесь он был в безопасности.

– Макс, иди сюда. Все хорошо, дружище? – Склонившись, она почесала ему живот, он подпрыгнул и лизнул ее в лицо. Судя по всему, он был в полном порядке. Она прошептала: – Спасибо. Но в следующий раз лучше сиди в грузовике, а то у меня будут большие проблемы. Хорошо? Вот умница, иди сюда. – Она подхватила собаку на руки, посадила в багажник, где радостно повизгивал Тойон. Крепко закрыла дверь.

В «Красном лосе» вновь заиграла музыка. В небе мягко разгоралось северное сияние, танцевало над верхушками черных елей. Свет фонарей разрезал темноту.

Тану внезапно затрясло, голова закружилась. Ухватившись обеими руками за холодный край багажника, прижавшись к ладоням лбом, она какое-то время стояла так, ожидая, пока восстановится дыхание и способность ориентироваться в пространстве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.